НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

ОБЩЕСТВО, ЭКОНОМИКА, ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Монография

г. Петрозаводск
МЦНП «Новая наука»
2021

УДК 001.12
ББК 70
О-28

Рекомендовано к публикации редакционной коллегией МЦНП «Новая наука»

Рецензенты:

Аймурзина Б. Т.
доктор экономических наук, профессор
Казахский университет экономики, финансов
и международной торговли

Ершова Л. В.
доктор педагогических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Коллектив авторов:

Арсеньев Ю.Н., Давыдова Т.Ю., Кушнир И.Н., Печникова О.Г.,
Полтавцева О.Н., Разумовская Т.И., Селиванова З.К., Ушаков Е.В.

О-28 ОБЩЕСТВО, ЭКОНОМИКА, ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ
ВОПРОСЫ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ : монография / [Арсеньев Ю. Н.
и др.]. – Петрозаводск : МЦНП «Новая наука», 2021. – 130 с. : ил. –
Коллектив авторов.

ISBN 978-5-00174-270-8

В монографии рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями в обозначенных областях, предлагается новое видение ряда концептов. Издание может быть полезно научным работникам, специалистам-практикам, преподавателям всех уровней образования, интересующимся проблемами развития современной науки.

Авторы публикуемых материалов несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00174-270-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. ПРОЕКТ «ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ» В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, МЕТОДЫ, РЕШЕНИЯ	4
<i>Арсеньев Юрий Николаевич, Разумовская Татьяна Ивановна, Давыдова Татьяна Юрьевна</i>	
ГЛАВА II. КОРОНАКРИЗИСНАЯ ЭКОНОМИКА: РЕАЛИИ И ВЕКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ	44
<i>Кушнир Ирина Николаевна</i>	
ГЛАВА III. ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ДИНАМИКИ ЦЕННОСТЕЙ СТАРШИХ ГОРОДСКИХ ПОДРОСТКОВ).....	67
<i>Селиванова Зухра Кадимовна</i>	
ГЛАВА IV. НОВЫЕ МЕДИА И ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ	85
<i>Полтавцева Ольга Николаевна</i>	
ГЛАВА V. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ	101
<i>Печникова Ольга Глебовна</i>	
ГЛАВА VI. НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА: СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ	116
<i>Ушаков Евгений Владимирович</i>	

ГЛАВА I.

УДК 35.331

ПРОЕКТ «ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ» В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, МЕТОДЫ, РЕШЕНИЯ

Арсеньев Юрий Николаевич

д-р техн. наук, профессор, профессор

Разумовская Татьяна Ивановна

к.с.н., доцент, директор

Тульский филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Давыдова Татьяна Юрьевна

к.п.н., доцент, доцент

Тульский государственный педагогический университет

Аннотация: Исследуются проблемы миграции и смежные с ней проблемы культуры, экономики, религии, образования, подготовки и формирования компетентных кадров из состава коренных этносов и приглашаемых из ближнего зарубежья мигрантов разных национальностей, культур, языка и религий.

Ключевые слова: государство, политика, экономика, культура, религия, миграция, управление, языки, мигранты, ценности.

PROJECT "INTERNAL AND EXTERNAL MIGRATION" IN RUSSIA: PROBLEMS, SEARCHES, METHODS, SOLUTIONS

Arsenyev Yurji Nikolaevich

Razumovskaya Tatyana Ivanovna

Davydova Tatyana Yuryevna

Abstract: The problems of migration and related problems of culture, economy, religion, education, training and formation of competent personnel from

indigenous ethnic groups and migrants of different nationalities, cultures, languages and religions invited from neighboring countries are studied.

Key words: state, politics, economy, culture, religion, migration, management, languages, migrants, values.

Введение. С XX века в экономически развитых странах значительно улучшалось состояние демографии, медицины, образования, повышались качество и продолжительность жизни населения. Намного снизился уровень детской смертности, семьи в интересах своей карьеры принимают решения о сокращении числа детей, выросли доля пожилых людей, размеры их пенсий и др. [1-7].

Современная ситуация в мире характеризуется неопределенностями и массой угроз. Одна из недавних причин нестабильности в мире – миграционный кризис в Европе. Несмотря на то, что миграционная вспышка некоторыми экспертами прогнозировалась, она свалилась на головы европейцев как летом снег. Ее причинами стали перманентная конфликтная обстановка на Ближнем Востоке и Африке, привлекательность европейских стран, как «лакомых кусочков» для тех, кто хотел трудоустроиться, учиться, убежать от войны и вспышек терроризма.

Эта беспрецедентная по размаху миграция имела смешанный характер, а людской поток включал разнородный контингент: мигранты, лица без гражданства, искатели лучших экономических условий, беженцы широкого спектра и национально-этнического состава: сирийцы, египтяне, ливийцы, нигерийцы, афганцы, пакистанцы и др. [8-11]. Ее первопричина, катализатор кризиса и движущая сила, несомненно, – война в Ираке, затем в Сирии. Лидерами по приему беженцев стали Турция (45%), Ливан, Иордания и Египет. Позже этот поток устремился в страны Евросоюза, причем в большей степени пострадали государства на границе Шенгенской зоны: Греция, Венгрия, Испания, Италия, Польша, через которые мигранты проникали в ЕС,

на территории которых создавались лагеря беженцев, реальные причины беспокойства и угроз жизни местного населения. Большинство мигрантов стремилось в развитые страны ЕС (Германия, Франция, Великобритания, скандинавские страны) для возможного получения высоких дотаций. Хотя имела место и семейно-бытовая миграция, внесшая свои коррективы, но многие мигранты целенаправленно пробирались в те страны, где осели их родственники. В целом можно выделить три основные причины миграционной «бури», вызвавшей чудовищный миграционный кризис: а) военный кризис на Ближнем Востоке; б) простота приобретения статуса резидента страны ЕС; в) семейные связи ряда групп населения. Можно утверждать, что процесс поиска лучших и безопасных условий жизни, будет длиться вечно.

Для снижения остроты проблем миграции следует совершенствовать маршруты перемещения, места размещения, обеспечить защиту, правовое регулирование положения мигранта, чтобы миграция, перемещения людей, вызванные военными конфликтами, экономическими неурядицами, природными и техногенными катастрофами, военными кризисами, сделать менее опасными. Как следует в этой ситуации действовать России, когда коллективный Запад считает ее источником угроз своему существованию?

Истоки экономического роста и векторы развития России. В условиях развития научно-технического и социально-экономического прогресса россияне должны развивать собственное производство, бизнес, науку, культуру, образование, интеллектуальный капитал российской цивилизации. Намеченные Президентом и Правительством РФ национальные проекты на 2020-2024 гг. должны обусловить эволюционное развитие всех отраслей хозяйства, а инновационные идеи и инвестиционные механизмы обеспечить выход страны на позиции лидерства в мире. В фокусе страны должны быть новые знания, инновации, преумножающие сами себя информационные технологии, цифровизация экономики, подкрепленные

имеющейся базой, включающей материальные активы, основные фонды, эффективное управление интеллектом, человеческим капиталом, социально-трудовой сферой страны.

Мерой успеха деятельности человека, коллективов организаций, сообществ многие ученые считают обучение и развитие, а не материальный достаток и деньги. Обладание материальными ценностями слабо влияет на степень обучения, развития и реализации потенциала человека. Секрет успеха – умение выбора действий, обеспечивающих лучший результат. Жить целостной жизнью означает быть самим собой, отвечать внутреннему «Я», сохранять свободу своего проявления.

Миграция – одна из важных проблем современности, от решения которой зависят стабильность и эффективность, гармоничность развития общества, соблюдение прав и свобод человека, защита и безопасность жизни детей, семей, деятельности трудовых коллективов субъектов хозяйствования (СХ), населения муниципальных образований (МО) и субъектов РФ, имидж, репутация, суверенитет и национальная безопасность страны в неспокойном динамично развивающемся мире, полном вызовов и угроз. Все это вынуждает органы власти и управления, правоохранительную и судебную системы переходить от решения тактических задач к долговременному, научному обоснованию стратегии развития российского государства на период до 2030 года, к которому все экономически развитые страны должны перейти в шестой экономический уклад.

В условиях жесткой конкуренции должны выигрывать личности и СХ, обладающие новыми знаниями и информацией, способные рационально выстраивать цифровизацию и коммуникативное партнерское пространство. Эти проблемы достаточно полно исследованы в трудах отечественных и зарубежных ученых. Однако за рамками их исследований остался целый ряд проблем, связанных с моделями миграции человеческих потоков в мире, описания и накопления знаний, адаптации поведения и деятельности

коллективов СХ, групп населения, социумов в условиях неопределенности и риска жизнедеятельности, повышения требований качества и эффективности применения человеческого потенциала и капитала в отраслях народного хозяйства. Недостаточно проработаны теоретико-прикладные аспекты взаимосвязи бизнеса, культуры, религии и образования. Основными задачами этой главы являются: а) исследование поведения и степени влияния групп населения и сообществ на деятельность государства, его СХ по критериям удовлетворения потребностей личности, семьи и общества с учетом многонациональности, многоконфессиональности и профессионализма управляющих субъектов; б) разработка моделей управления системы «человек – семья – общество – государство» с учетом множества целей, альтернатив развития и возможностей индивидов; в) моделирование сложных социально-экономических систем, обучения и применения человеческого потенциала с учетом здоровья и состояния внешней и внутренней среды.

Теоретико-методологическая база исследования – информационный и системно-синергетический подходы к моделированию процессов управления интеллектуальным потенциалом и капиталом общества, их формализованному описанию с учетом деятельности трудовых коллективов, приоритета человеческого фактора в условиях научно-технического прогресса, адаптации к рынку труда россиян разного возраста, состояния здоровья «общества всех возрастов» и вероисповедания.

Практическая значимость исследований состоит в применении разработанных моделей, алгоритмов и программ в исследовании и моделировании процессов управления миграционными потоками с учетом качества инфраструктуры, стратегии и целей развития регионов, адаптации мигрантов к российскому языку, культуре и истории. Проведенные исследования базируются на трудах отечественных и зарубежных ученых в сферах экономики, психологии, когнитивной науки, синергетики, математического моделирования, кибернетики.

Сегодня влиянию цивилизационных, политических, культурных, этнических, религиозных, географических, климатических и иных факторов, воздействующих на Россию, следует уделять больше внимания, предельно дифференцировать их экономическую, промышленную ориентацию, технологический уклад. На ее территории РФ могут функционировать области с разным экономическим порядком – от максимально-рыночных до коммунистических [12].

Проблемы политической и экономической конкуренции все чаще формулируются в терминах культуры [13]. Дискуссии о первичности экономики и культуры идут уже давно. Так, еще М. Вебер в [14] критиковал позицию К. Маркса, утверждая, что культура образует форму экономического поведения. Культуросообразное поведение и доверие относятся к системообразующим качествам создания национальных экономик, их структур и компонентов, взаимоотношений экономических субъектов государств.

В последние десятилетия в экономически развитых странах управление фирмами и корпорациями ведется обычно в интересах акционеров, а их высшее руководство действует лишь в их интересах, считая остальной персонал лишь инструментом в максимизации стоимости акций. Позже произошла трансформация этой точки зрения, и корпорации стали считать совместными когнитивными системами, в которых акционеры – лишь «когнитивные инструменты», а реальные когнитивные действия распределены между менеджментом корпораций и их работниками. Анализ взаимоотношений акционеров, менеджеров и остального персонала (далее – рабочие) позволяет выявлять различные модели организационной архитектуры (ОА), применяемые в управлении деятельностью корпораций с учетом подходов и методов корпоративного права и финансов, эпистемической теории игр, теории познания и когнитивных наук, исторического генезиса корпораций в целом,

взаимодействия с агентами, действующими в сферах экономических, политических и социальных обменов, формирования институционального контекста общества как самостоятельно эволюционирующей системы.

Большинством моделей диффузии инноваций на среднесрочном этапе являются экспоненциальные и логистические модели роста (S-кривые). Их описание моделями теории трансформационной динамики предложил акад. В.Ф. Венда, пригодными для разных динамических процессов функционирования природных, технико-экономических, социокультурных, иных сложных систем. Жизненный цикл деятельности в процессе технического перевооружения СХ (рис. 1) включает фазы рождения, роста, зрелости и упадка. На фазах, предшествующих фазам технического перевооружения, коэффициент обновления ($K_{обн}$) должен превышать коэффициент выбытия ($K_{выб}$), $K_{обн} > K_{выб}$. В фазе зрелости выполняется $K_{обн} = K_{выб}$, растут затраты на ремонт. В фазе упадка жизненного цикла остаточная стоимость основных производственных фондов стремится к нулю, отсутствует амортизация, $K_{обн} < K_{выб}$, а затраты на ремонт достигают значительного удельного веса от стоимости оборудования. Поэтому важно отслеживать точку бифуркации и аттрактор, обеспечивающий устойчивость деятельности СХ и адекватный уровень его развития.

Аттрактором устойчивого развития СХ может являться достижение им линейного дохода по критерию гибкого управления трудозатратами, когда пассивный (нелинейный) общий доход СХ компенсирует траекторию изменения трудозатрат (рис. 2), и в итоге дает постоянный неизменяемый доход. Аттрактор представляет кривую, описывающую феномен «счастье» в диапазоне эффективностей от $\mathcal{E}_{max}$ до уровня $\mathcal{E}_c$ соответствующих трансформационных точек в сферах деятельности СХ или ЛПР (рис. 3). В разном возрасте ЛПР эти уровни могут не совпадать в разных сферах, что говорит лишь о приоритетах и предпочтениях, проявлении новых качеств, инноваций в пяти главных сферах жизни человека.

Приоритет повышения роли культуры в глобальном мире выделял С. Хантингтон [15, 16]. Он считал, что идеология заменяется культурными факторами, в связи с чем в мировой экономике непременно следует учитывать религиозно-культурное многообразие и цивилизационные факторы.

**Рис. 1. Фазы жизненного цикла
и устойчивый аттрактор развития СХ:
А-С – точки бифуркации.**

**Рис. 2. Синтез аттрактора состояния СХ
по критерию Линейного дохода**

Рис. 3. Устойчивый аттрактор развития индивида и общества с учетом фаз формирования и становления на пяти уровнях деятельности:

А-Д – точки бифуркации. Эс – пороговые уровни развития субъекта в пяти его сферах (физиологическая, психологическая, биологическая, социальная, генетическая).

Сегодня на планете Земля проживает $\approx 8,0$ млрд. чел., из них [22]: $\approx 2,3$ млрд. христиан (33% населения мира); $\approx 1,65$ млрд. мусульман (23%); $\approx 1,0$ млрд. чел. (14% верующих в индуизм; 6% – в буддизм; 5% – в китайские религии; 4% – во внеисторические, 3% – в иные религии; 0,22% – иудеи ($\approx 15,0$ млн. чел.), 0,36% – сикхи; 12% – неверующие, атеисты ($\approx 0,85$ млрд. чел.). Все земляне верят: одни в Бога, другие в его отсутствие, третьи в прогресс, четвертые в справедливость, пятые в разум и др. На 2000 г. 14,8% человечества являлись неверующими, или атеистами. Вера – важнейшая часть мировоззрения человека, его жизненная позиция, убеждения, нравственно-этическая норма, обычаи, по которым он живет, действует, мыслит и чувствует. Исследование влияния религиозно-культурных аспектов на перспективы развития государств весьма значимо и целесообразно.

Консолидация общества предполагает достижение им процедурного, ценностного и поведенческого консенсуса. В современной России

фактически отсутствуют влиятельные акторы, выступающие за отмену институтов и норм демократического развития общества, что указывает на наличие процедурного консенсуса, достижение которого обеспечено режимной и внутриэлитной консолидацией вокруг национального лидера, вытеснением внесистемной оппозиции. Стабилизируя развитие политической системы, процедурный консенсус не приобретает нового качественного состояния. Режимная консолидация имеет ограниченный ценностный фундамент при отсутствии поведенческих оснований, ибо политическая субъектность масс не адекватна потребностям созданной институциональной структуры.

Достижение ценностного и поведенческого консенсуса в российском обществе осложнено неравномерностью: восприятие новых норм и реализация инновационных стратегий поведения существенно разное в разных социальных стратах, политических субкультурах и возрастных группах населения.

Политическое изменение и развитие максимально широкое, включающее: а) функционирование (воспроизводство политической системы общества с сохранением ее интегральных качеств); б) эволюцию или развитие (воспроизводство политической системы, сопровождающееся нарастанием изменений его качеств, структур, характера, функциональности ее внутренних и внешних взаимосвязей); в) трансформацию (изменение совокупности интегральных качеств политической системы общества, переход из одного состояния в другое). Взаимообусловленность динамики общества и изменения способов функционирования политических систем ученые исследуют на основе подходов системного, бихевиоралистского структурно-функционального, нео- и институционального, комплексного, информационного и др. Дальнейшее развитие российского общества обуславливается: а) качеством ценностной системы, его адаптационного и инновационного потенциалов;

б) формированием политической субъектности масс при ограниченности социального капитала в обществе, рассогласованности ценностных приоритетов разных статусных групп; в) выраженностью в массовом сознании населения ориентира на сильного лидера.

Ценностная система задает пределы, границы трансформации институциональной подсистемы и во многом определяет инновационный потенциал общества. Игнорирование специфики ценностной системы влечет множество институциональных искажений и дисфункциональность результата трансформации. Развитие политической системы общества определяется ее способностью соединить институциональные и социокультурные аспекты при своем функционировании. Между трансформацией политической системы и изменением ценностной системы общества существуют отношения коэволюции (обычно одно развивается по мере развития другого). Сегодня в процессе политической трансформации налицо неадекватность институциональных характеристик политической системы и ценностной системы общества.

Ценностная легитимизация демократических институтов, консолидация демократии зависит от совокупности условий: а) реализации нормативного структурирования политической системы; б) формирования политической инфраструктуры с объединением ценностных приоритетов разных страт населения; в) преодоления ценностного размежевания элит и трудящихся масс; г) развития гражданской культуры; д) формирования функционально-целевого согласия. Характер взаимосвязи институциональных и ценностных компонент трансформационных процессов определяется коэволюцией институциональной, нормативно-ценностной и прочих подсистем политической системы, совпадением векторов их направленности, динамики многоуровневых внутри- и внесистемных изменений [17-21].

Базовые условия, параметры качества социальных изменений включают:

а) разнонаправленность (модели У. Мура) и непрерывность (концепции структуризации Э. Гиденса и морфогенеза М. Арчера); б) дихотомию социального порядка и изменения, обеспечивающую конкретную социальную динамику (П. Бергер, Г. Лукман, М. Дуглас); в) условия свершения изменений: функциональную дифференциацию, повышение адаптивных способностей, усложнение социальной организации (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.); г) механизмы саморегуляции (концепция социальной системы Т. Парсонса, теория самовоспроизводящегося общества А. Турена); д) определяющую роль деятельности активных субъектов (теории активного общества А. Этциони, социального становления П. Штомпки). Теория П. Штомпки на базе структурных и деятельностных подходов позволила выделить (рис. 4): а) главные показатели (условия, субъекты, их взаимоотношения, механизмы, интенсивность динамики и др.); б) отличия особенностей процесса социальных изменений. Выявлено следующее:

а) общество процессуально, подвержено эндогенным изменениям, принимает форму самотрансформации; б) индивиды и социальные коллективы – конечные двигатели изменений, направления, цели и темпы которых служат результатом конкуренции; в) действия, идущие в контексте данных структур, обеспечивают трансформацию, а структуры – условия и результаты; г) взаимодействие деятельности и структур присуще смене фаз творчества акторов и структурной определенности.

Рис. 4. Взаимосвязь развития политических систем с теорией социальных изменений, их компонентами, подходами к исследованию:

основные компоненты теории: СпцФункц – специфика функционирования;

ПоведПАк – поведение политических акторов; ФормВзаим – формы взаимодействия.

Подсистемы: институциональная (Инстит), нормативно-ценностная (НормЦен), социокультурная (СоцКул). **Подходы:** системный (Систем); бихевиористский (Бихевр); структурно-функциональный (СтрФун); институциональный (Инстит); неоинституциональный (Неоинстит); антропосоциетальный (АнтСоц):

неоинституциональный (Неоинстит); антропосоциетальный (АнтСоц): системноцентристский (Сисцен); социоцентристский (Соццен). Вид и состав факторов: внешних (Внеш) – экономического развития (ЭконРаз), социальной структуры (СоцСтр), ценностной системы (ЦенСис), внутренних (Внутрен) – институты (Инст), социального порядка (СоцПор), согласия интересов (СогИнт), моделей поведения (МодПов), сути политических изменений (СушПИ).

Проблема миграции в системе «государство – общество – человек». В условиях цифровизации экономики и всех сфер хозяйства высшее социальное благо для россиян по-прежнему – получение высшего и дополнительного профессионального образования. На множество в мире угроз и вызовов Россия должна четко, своевременно и адекватно реагировать. От состояния

образования, знаний и самочувствия обучающихся и обучающихся зависит будущее России, поэтому научные исследования должны обеспечивать раскрытие и использование интеллектуального потенциала и человеческого капитала россиян. Расходы на повышение образовательного уровня за рубежом считаются очень выгодным типом капиталовложений, при этом общество выигрывает даже больше, чем каждый его член, получающий образование, что подтверждено массой исследований и результатами компьютерного моделирования.

Сегодня перед Россией стоит много целей, главные из которых – две, тесно взаимосвязанные с демографией, миграцией, здоровьем, культурой и религией: сбережение народа; развитие человеческого потенциала и интеллектуального капитала. Также сегодня два основных закона правят миром: а) жесточайшая конкуренция на открытом рынке (если можно ослабить соперника, то обязательно сделают); б) защита суверенитета и национальной безопасности и интересов страны. Все это вызывает у россиян законное беспокойство: а) обеспечат ли их надежную защиту правители и политическая элита, имеющие паспорта других стран, в которых много лет живут их семьи, лежат вывезенные деньги; б) как регулировать миграционные потоки и на кого ориентироваться в политике?

В условиях России видны два главных подхода: а) возвращение русских людей, разбредшихся по планете в «лихие» 90-е, образованных, культурных, великолепно воспитанных, в совершенстве знающих свой язык, культуру, православную религию, профессии, готовые к военной, государственной и иной службе на благо России. б) целенаправленный сбор данных и персональное приглашение требующихся специалистов и рабочих из Украины, Белоруссии и Молдавии.

Непродуманность российских реформ, масса псевдоинноваций видны в просвещении, высшей школе и науке, реформировании РАН. Эту проблему следует решать на основе динамических целочисленных задач оптимизации в

экономике с учетом специфики муниципальных образований (МО) и субъектов РФ, требующих четкой организации внутренних и внешних трудовых ресурсов.

Ориентир на тактические цели, приглашение гастарбайтеров из бывших среднеазиатских республик в основном в строительный бизнес, жилищно-коммунальный комплекс и торговлю позволило российским предпринимателям и бизнесменам получать легкую прибыль благодаря экономии на оплате труда, неоснащенным рабочим местам, превышению доли рабочего над свободным временем, другим скрытым от глаз общественности жилищно-бытовым, культурно-правовым, социально-экономическим факторам. Период пандемии вскрыл ущербность этого подхода к варварской эксплуатации приглашенных трудовых ресурсов, их рабскому бесправному труду.

В жизни любого трудоспособного человека существуют свои личностные, культурные, религиозные и профессиональные ценности, оберегаемые и защищаемые от чужого посягательства и разрушения. Среди них выделяются ценности уникальные, присущие конкретному субъекту деятельности, объединяющие его с конкретной группой, коллективом, прослойкой. Другие ценности имеют универсальное значение: мир, свобода, благополучие близких, уважение, любовь и др. Креативные люди (инженеры, менеджеры, врачи, педагоги, художники, музыканты и др.) ценят свободу творчества, интересуются инновациями, уважают интеллектуальную собственность, авторское право, скромность поведения в социальной иерархии.

Политическая трансформация общества экономически развитого государства связана с взаимообусловленным изменением ценностей, норм, моделей поведения, способов политической деятельности, способности политических институтов отражать специфику политических систем, организации инновационного и эволюционного развития общества. Темпы и специфика эволюции, институциональной и социокультурной компонент

преобразований в каждой стране различаются в связи с развитием внешней среды, наличием внутрисистемных факторов, способности адаптации к предъявляемым требованиям, мобилизации и интеграции членов общества в отношении мировых вызовов и угроз.

Консолидация любого разумного общества предполагает достижение им процедурного, ценностного и поведенческого консенсуса. Сегодня в России фактически отсутствуют влиятельные акторы, выступающие за отмену институтов и норм демократического развития общества, указывая на наличие процедурного консенсуса, достигаемого режимной и внутриэлитной консолидацией вокруг национального лидера, вытеснением внесистемной оппозиции. Стабилизируя развитие политической системы, процедурный консенсус не приобретает нового качественного состояния. Режимная консолидация имеет ограниченный ценностный фундамент в отсутствие поведенческих оснований, а политическая субъектность масс не адекватна потребностям созданной институциональной структуры. Достижение ценностного и поведенческого консенсуса в российском обществе осложнено их неравномерностью: восприятие новых норм и реализация инновационных стратегий поведения крайне различное, население принадлежит к разным социальным стратам, политическим субкультурам и возрастным группам.

В специфике корпораций, как частных агентов (ЧА), взаимодействующих с государством, выделяют два экономических подхода:

а) к *финансовой* деятельности и способности привлечения значительных объемов капитала для крупномасштабных инвестиций, проведению рискованных транзакций с предоставлением не склонным к риску инвесторам возможности диверсификации акций с различными рисковыми параметрами; учета подверженности инвесторов риску, ответственности и интересов акционеров как главных поставщиков финансового капитала. При этом цель руководства бизнес-корпорации на высшем уровне – достичь максимума доходов от инвестиций, стоимости портфеля ценных бумаг;

б) к *организационной* деятельности с получением экономии от специализации сотрудников, обновления их знаний, специальных умений, практического опыта в производстве новых знаний, полезных в хозяйственной деятельности корпораций и реализации приоритетных потребностей общества.

Если менеджмент корпораций стремится к высокому денежному вознаграждению, дополнительным льготам, значимому социальному престижу, то его решения следует постоянно контролировать. Совет директоров должен сохранять баланс интересов акционеров, персонала и внешних субъектов, получения выгод всем обществом.

Интеграция внешних финансов и внутренней организации корпорации позволяет выделить группы инвесторов, менеджмента и персонала. Тогда управление корпорацией следует сконцентрировать на совместной системе познания этими группами агентов материальных активов, расширенных когнитивных ресурсов, на оптимизации распределения прав и обязанностей всех держателей активов. В целом организационное проектирование существенно обуславливается индивидуальными мотивационными факторами, хотя не всегда познание и мотивация полностью частные и своекорыстные. Ведь люди не только общаются, используют формальные языки, но и наблюдают за действиями других, предвидят определенные намерения, ошибки интерпретации, взаимности в совместных

В целом можно говорить о совместной эволюции преобладающей формы корпоративной архитектуры и адекватного ей типа человеческих когнитивных активов. Их сущность и качество зависят от характера и специфики внешних или внутренних воздействий. Каждой национальной экономике вряд ли доступен оптимальный портфель организационных архитектурных решений.

Главное условие развития человеческого капитала в РФ – модернизация системы российского образования, устранение диспропорций в структуре подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, согласованности их

масштабов и профиля с динамикой развития уровней образования, тенденциями изменения профессионально-квалификационной структуры рынка труда. Рост разрыва между запросами населения, рынка труда и квалификациями выпускников вузов, потребности в гибкой квалифицированной рабочей силе требует высокой готовности к постоянному обучению и развитию, горизонтально-вертикальным перемещениям. Особенно важна системность, интеграция и преемственность образовательных программ разного уровня, выстраивание индивидуальных образовательных технологий и создание образовательных учреждений интегрированного типа [1-7, 22].

Социально-корпоративная модель российской образовательной политики сталкивается с признанием приоритета стратегии непрерывного обучения в течение жизни с реализацией двух основных функций: а) воспроизводства культуры, опыта и эффективной деятельности людей; б) гармоничного развития общества и личности.

Первая функция реализуется посредством теоретической, или «знаниевой», модели, вторая – универсальной способностной или деятельностной.

«Знаниевая» модель образования обеспечивает: а) трансляцию культурно-исторического опыта от старших поколений к более молодым поколениям; б) воспроизводство готовых, завершенных знаний, умений, навыков, необходимых личности для реализации в обществе культурных, социальных, экономических, религиозных и иных функций. Пример «знаниевой», предметно-ориентированной модели образования – советская школа, ориентир ее на формирование у обучающихся, всего народа общего мировоззрения, идеалов и ценностей.

Универсальная (способностная, инновационная, личностно-ориентированная) модель направлена не столько на передачу обучающимся знаний, умений, навыков, сколько на развитие их личностных способностей добывать эти знания и применять в новых условиях. Акцент в содержании

образования должен быть смещен с освоения конкретных знаний на развитие универсальных личностных способностей. В динамично развивающемся обществе для каждой личности важны способности труда в ситуациях неопределенности, постоянных динамических изменений, самостоятельного адекватного решения возникающих при этом задач. Особенно значимы для сотрудников их способности к личностному самоизменению, саморазвитию, самостоятельному формированию собственного мировоззрения, непрерывному самообразованию, социальному и культурному самоопределению. К универсальным способностям личности можно отнести выбор альтернатив: а) по одному или многим критериям; б) совершенствования и развития личности и своей деятельности; в) формирования личных идеалов, жизненных принципов, научного мировоззрения; г) взращивания способностей каждой личности: к рефлексии, мышлению и диалогу; к анализу возникающих турбулентных ситуаций; к выявлению целей, способов, средств их достижения; к пониманию других людей, их совместной продуктивной деятельности.

Российские исследователи (Громыко Ю.В., Щедровицкий П.Г., Алексеев Н.Г. и др.) выделяли две группы универсальных способностей: а) действий в уникальных, новых, постоянно меняющихся ситуациях; б) умений общаться, продуктивно кооперироваться и сотрудничать [22].

Многое в сфере образования подрастающих поколений зависит от тех, кто учит, и кто учится. Их инициатива, творческая активность, нестандартность мышления, стремление к обновлению, инновациям – важный фактор развития системы образования, ее устойчивости и прогресса. Интеллектуальный потенциал и капитал – приоритетное конкурентное преимущество государства, основа развития науки и образования, политики, экономики, культуры и др. Интеллектуальный потенциал общества, как целостной социальной системы, обуславливает способность социального интеллекта управлять своим будущим. Социальный интеллект представляет:

а) социокультурные формы синтеза общественного сознания, институтов науки, культуры, управления и образования; б) различные структуры группового интеллекта сообществ людей в соответствии с действующими механизмами социальной, экономической, национально-этнической и иной дифференциации.

Социальный интеллект реализуется через интеллектуальные функции управления процессами созидания будущего, его прогнозирования, планирования, проектирования, программирования, нормотворчества и законотворчества, формирования идеологии, доктрин, идеалов, определяющих ценностно-ориентированное управление будущим. Без духовности и нравственности соответствующего содержания интеллект и разум не могут выполнить свою важнейшую функцию – управления будущим, продолжением позитивной наполненной культурной жизни. В российских реалиях необходимо выполнение ряда условий:

1. Усиление связи предпринимательства, его славных традиций с базовыми ценностями православия, выявление приоритетов и принципов развития на долгосрочную перспективу. Наряду с государством, малый и средний бизнес должен решать важные социальные задачи – обеспечение максимальной занятости населения при переходе к инновационному сценарию развития экономики, сохранению прочного ценностного фундамента общества, этики Православия, в основе которой лежат ценности патриотизма, соборности, служения общему благу, взаимопомощи, солидарности, а также православная вера, правильное духовное отношение к богатству, труду и собственности без ущерба деловой активности творческих людей.

2. Творческая самореализация россиян в секторе малого и среднего бизнеса позволит заложить прочную основу формирования среднего класса и гражданского общества в России. Развитие полноценной конкурентной среды – нравственный императив инновационного прорыва, требующий

справедливой оценки вложенного труда, распределения его плодов, исключения бюрократического произвола, коррупции, рейдерства, монополизма, пропаганды в СМИ насилия, порока, глумления над отечественной историей и традициями, являющихся преступлениями общественного и нравственного порядка. Необходимо общими усилиями государства, делового сообщества, ведущих религиозных и общественных организаций и политических партий определить ценностные ориентиры развития народного хозяйства и укрепления конституционного строя российского государства.

3. Задача русской православной церкви (РПЦ) и других конфессий – словом и молитвой поддерживать россиян и мигрантов, придавать им духовные силы для преодоления жизненных трудностей, помогать сохранить занятость полезным трудом. Первопричина нестабильности в экономике – деградация ее нравственных основ, утрата высшей цели хозяйствования, заключающейся во благе человека, построении гармоничного и справедливого общества. Все проводимые преобразования станут успешными лишь при учете ценностей национальной культуры, духовного наследия, сочетания современных реалий с духовно-нравственными ценностями, традициями и менталитетом.

4. Школа, семья, РПЦ и другие религиозные общины опираются на общие или близкие базовые нравственные нормы, издавна бытующие в народном сознании. Следует решительно остановить их размывание и девальвацию, утвердить в образовательно-воспитательной системе. Без последовательной структурированной передачи нравственных ценностей невозможно и полноценное образование, что признается сегодня государством и большинством российского общества. Этому способствует и преподавание в школе основ религиозных культур и светской этики, ибо знание основополагающих духовно-нравственных ценностей, религиозно-культурных традиций – надежный компас для молодежи в современном мире,

в котором становится все труднее различать добро и зло. В нем под видом борьбы за права человека совершается фактическая пропаганда греха и вседозволенности, черное выдается за белое, порок – за правильный образ жизни. Важно честно родителям школьников объяснить, что это связано с выбором жизненного пути их детей: а) жизни лишь по законам сиюминутной житейской выгоды с диктуемым минимальным набором правил, обеспечивающим комфортное существование в социуме; б) блуждание в мире взаимоисключающих духовных практик; в) твердое состояние на базе собственных традиций, укрепляющих, наполняющих жизнь смыслом, помощи человеку в периоды жизненных бурь и невзгод.

5. Голос религии в обществе сравним с голосом совести в душе человека. Не случайно в Священном Писании духовная компонента педагогики стоит в одном ряду с харизматическими дарами, исключительными видами служения; «Иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями» (1 Кор. 12:28). В этом смысле особая ответственность у воскресных школ, православных гимназий, других церковно-образовательных учреждений, а также всех тех, кто причастен к церковной педагогике. Ответственность, мудрость, любовь к людям – главные качества тех, кто трудится в православном образовании. Обязанность россиян – выстоять в условиях жесткой конкуренции, мировых вызовов, отстаивать право на истину. Нравственное воспитание молодежи, обучение жить по совести – приоритетное направление в современном взаимодействии религии и общества.

6. Храмы и мечети должны выступать просветительскими и миссионерскими центрами, в которых недопустима ситуация скудости достойных православных и иных религиозных изданий с грифами соответствующих Издательских советов, Богослужебных комиссий. Важно помнить, что по поведению и коммуникациям каждого священника люди судят обо всей Церкви или религии.

7. Эффективность пастырской деятельности следует оценивать не числом совершенных треб в храме или по вызову, а тем влиянием, свершенное таинство которого сказалось на жизни обратившихся: а) сколько людей воцерквилось, оказалось на пути воцерковления; б) сколько женщин отказалось от аборта и др.

Священники призваны вести профилактику и лечение разводов семейной жизни. Рост душепопечительства и пастырского окормления налицо, если священник, как и светский учитель, впрочем, не обременены постоянным поиском средств на содержание себя и своих семей. Важно, чтобы настоятели РПЦ, иных конфессий не забывали об обеспечении клириков, сотрудников достойными пенсиями, своевременном и правильном денежных отчислений в Пенсионный фонд.

8. Главная задача пастыря – вести людей по пути спасения, укреплять их общей молитвой и совершением таинств, через которые Божественная благодать преображает человеческие сердца. Задача всей общины веры, Церкви – свершение того, чему она научена Господом и Спасителем: а) дела милосердия в больницах, тюрьмах, детских и домах престарелых; б) работа с асоциальными детьми, молодежью, как труд во имя будущего России; в) вовлечение в церковную жизнь старшего поколения, родителей и учителей; г) формой катехизации современной семьи, духовного преображения российского народа.

Для этого только в РПЦ функционирует свыше 160 епархий, 207 правящих и викарных епископов, 30142 приходов, 28,5 тыс. священников, 788 монастырей и др. В среднем 60-80% россиян считают себя православными.

В заключение сформулируем ряд важных выводов.

1. Для верующих, принадлежащих к разным религиозным организациям, помощь обездоленным, пожилым и инвалидам может стать совместным полем деятельности, искренним стремлением к поддержке нуждающихся, накормить голодных, ободрить отчаявшихся, людей с ограниченными возможностями по здоровью, брошенных стариков и др., которых в России предостаточно.

2. Сегодня лишь малая часть российских бизнесменов ощущает, что на свете есть ценности, которые намного важнее денег и материального благополучия. Многие поняли на собственном опыте, что Бог помогает тем, кто чтит установления священных писаний, помнит о своем долге перед Богом и ближними людьми. Еще никому и никогда не удавалось опровергнуть библейскую мудрость: «Дом беззаконных разорится, а жилище праведных процветет» [3].

3. Для будущего России важен мирные взаимоотношения людей с разными мировоззрениями: верующих и неверующих из разных религиозных вероисповеданий, отношений с государством в лице законодательной, исполнительной и судебной власти, государства и неверующих.

4. Переход россиян к добросовестной конкуренции в производственно-хозяйственной деятельности на основе принципов православной корпоративной культуры и 10 заповедей РПЦ требует нового изучения экономики в школах и вузах, системе повышения квалификации и профессиональной переподготовки, включая государственных и муниципальных служащих.

Самоутверждение российского государства на основе сочетания критериев «мягкой» и «жесткой» сил: институциональные аспекты. Взаимодействие современных государств в мировой политике требует применения инструментария «мягкой» (*soft power*) и «жесткой» (*hard power*) силы с ее опорой на созданные институты, государственные и негосударственные организации, составляющие фундамент государственной политики России и исполняющие функции ее развития. Впервые термин «мягкая сила» ввел Дж. Най в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990). Позже он развил его в книге «Soft Power: The Means to Success in World Politics» (2004). Исходя из названия этой работы следует, что суть «мягкой силы» состоит в успехе мировой политики. В целом термин «сила» – древнейшая категория в международных отношениях, начиная с Фукидида, считавшего силу фактором, предопределяющим взаимоотношения разных государств друг с другом [23-32].

Сущность «мягкой» силы (МС) состоит в способности ее влияния на другие объекты международных отношений через сотрудничество, формирование программы действий, убеждения, оказания позитивных воздействий от органов власти для достижения желаемых результатов [25]. МС – это инструмент, с помощью которого конкретная страна заставляет другие страны «хотеть того, чего хочет она». Видимой стороной легитимных действий этой страны является «ненасилие», снижение конфликтов, убеждения, опора на уважение культур и моральных ценностей разных народов, привлекательность своей идеологии и культуры, ее социальных норм. В противовес этому «жесткая» сила (ЖС) предусматривает использование силовых методов для достижения успеха на мировой арене [25-32].

Процесс институционализации МС в РФ включает [27, 28]: а) формирование системы взглядов на концепции МС в общеполитическом дискурсе деятельности и их отношений; б) исследование проявления концептуальных особенностей МС в публичных выступлениях российской политической элиты РФ; в) создание норм, законов, регулирующих деятельность проявления МС. МС, как субъект международной политики, стоит на трех «китах»: а) культуре, привлекательной для других стран и народов; б) внешней политике, считающейся другими странами законной и справедливой; в) применяемых политических ценностях. Целенаправленная деятельность способствует развитию институтов реализации МС, для чего рекомендуется: а) выработать уникальный национальный концепт МС и позиционирования страны за рубежом; б) популяризовать основные парадигмы российской цивилизации, использование исторически обоснованных привлекательных образов России; в) осуществлять взаимную координацию учреждений Россотрудничества, государственных и негосударственных организаций реализации МС и разработку дополнительных функций по принципам создания позитивного имиджа российского государства за рубежом; г) соответствовать состоянию дорожной карты по эффективной программе реализации МС Россией.

Управление экономикой в современной России реализуется посредством организационной структуры управления (рис. 5), включающей Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям, действующий на основе Стратегии государственной национальной политики до 2025 года, с участием всех уровней и видов власти, а также институтов гражданского общества, консультативных и совещательных органов (КСО) при органах власти разных уровней.

Рис. 5. Институциональное поле фундамента «мягкой силы» в РФ

1- 3 – Департаменты МИД: РФ по гуманитарному сотрудничеству и правам человека (1), по работе с соотечественниками за рубежом (2), информации и печати (3);
4 – Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова; Минкульт РФ – министерство культуры; 5 – Ростуризм; 6 – памятники архитектуры; музеи;
7 – Фонд «Русский мир»; 8 – языковые и культурные центры за рубежом;
9 – учреждения, популяризирующие историческое наследие, литературу;
10 – ведущие вузы России; 11 – русскоязычный интернет; РПЦ – Русская Православная Церковь; 12 – министерство спорта РФ; 13 – МЧС России, миротворческие силы; 14 – РАН (Российская академия наук) и другие организации, способствующие научно-техническому развитию;
15 – Комиссия РФ по делам ЮНЕСКО; 16 – российские некоммерческие организации (НКО) в стране и за рубежом.

Россия уже 20 лет совершает реальные шаги по развитию МС для повышения взаимного доверия и создания позитивного образа нашей страны. «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая» сила – комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативы классической дипломатии, методы и технологии», – указано в новой Концепции внешней политики России. В реальности, несмотря на усилия «Россотрудничества», западные страны видят в РФ источник угроз, считают ее политику непредсказуемой, требующей «сдерживания», не признают легитимности внешней политики России и ее ценностей.

Как же быть России? Потерять себя, свою идентичность, принять навязываемые нам новые ценности и стандарты внешней политики или отбросить попытки проведения политики МС и начать наращивать свою военную мощь?

Еще Цицерон писал о «союзе меча и пера», как примере взаимосвязи и взаимозависимости ЖС и МС. Поэтому необходим баланс традиционных факторов силы и роста влияния культурных ценностей. Многие страны мира заинтересованы в культурном, экономическом и военном потенциале России.

В эпоху информатизации двух-трех поколений людей точками роста являлись производства металлургии, станко,- машино- и приборостроения, постиндустриальное развитие, информационные технологии управления. В период индустриализации четвертого поколения приоритетом считаются технологии, финансы, программирование. 40-60% производственных мощностей было утрачено в городах России. Поэтому важными стали сферы: а) цифровизации экономики; б) взаимодействия органов власти и общества в информационном пространстве городской среды; в) волонтерские и партисипативные движения и технологии; г) участие общества в решении проблем государства, преодолении непродуктивности и однобокости

бюрократических решений, ведущих в итоге к социальному расслоению и неблагополучию, нравственным и юридическим коллизиям, росту преступности, вынужденных миграций, смертности и заболеваний, социальным коллапсам и др. Рост активности гражданских сообществ позволяет осваивать науки управления и взаимопомощи на нравственном, идеологическом, технологических практических уровнях волонтерства и партисипативности, на сильных и слабых сторонах этих движений, их представления в обществе, оценки успешности и др. Применительно к сфере МС требуется научное исследование проблем: а) нравственно-идеологического осмысления практик, технологий партисипации и социального служения; б) технологической реализации и разработки инноваций партисипации и социального служения, реформирования и развития гражданского общества, крауд-технологического и интересубъектного управления этническо-религиозной спецификой оказания помощи и партисипации, поддержки государства и бизнеса; в) практики сотрудничества религиозных институтов с остальными институтами общества, с государством, бизнесом, лечения нравственной деформации руководителей и субъектов партисипативных практик, развития компетентности в партисипации и помощи; г) подготовки и переподготовки руководящих кадров партисипации и социального служения.

В отношении России следует заметить следующее.

1. При растущем запросе на изучение природы и перспектив публичной политики открытым остается вопрос о ключевых субъектах, акторах, функциональных пределах и назначении. К субъектам относятся институты традиционной дипломатии, лидеры общественного мнения, имеющие авторитет в иноязычной аудитории, неправительственный сектор. Задачи этих субъектов: формирование общественного мнения, продвижение идей и ценностей, информирование зарубежной общественности о позиции своего государства, целях и задачах политики, налаживание новых,

преимущественно неформализованных контактов, способствующих формированию позитивного имиджа и восприятия государства, что также является «мягкой» силой. К сферам деятельности публичной дипломатии относят культуру, спорт, образование, туризм, науку, а также новых субъектов – межпарламентские организации (МПО) и возможные сферы использования собственного потенциала.

2. МПО ценны тем, что на их площадке встречаются: а) лица, принимающие решения (ЛПР) и представители общественности, имеющие широкий профессиональный профиль и разнообразный бэкграунд. Участие ЛПР в МПО облегчает донесение позиций до своих коллег, а причастность к процедурам и процессам представителей общественности ускоряет реализацию публичных мероприятий. Однако важным риском остается качество и эффективность работы МПО, наличие политической воли и способности как ЛПР, руководства института, так и общественности – экспертов, консультантов, акцентирующих внимание на проблемах и возможностях отдельных сфер, участвующих в их решениях и реализациях. Наряду с этим существует риск трансформации межпарламентского уровня сотрудничества, излишней формализации контактов, неспособности найти возможности новых публичных проектов, партнеров и исполнителей.

МПО имеют шанс стать проводниками: а) межгосударственных дипломатических контактов; б) укрепления дружественных и равноправных отношений между народами, укоренению в умах людей идеи защиты мира (ведь искусство, наука, – достояние всего человечества, они выше национальных барьеров); в) выборов, исключающих риски иностранного вмешательства, фальсификации и иных нарушений, способствующих ретрансляции позитивного политико-правового опыта и достижений в области проведения выборов и референдумов.

В целом сегодня в мире идет трансформация международных отношений, углубляются тенденции формирования нового мирового порядка. На смену

Государство сменяет множество участников, способных влиять на международные отношения. Среди них – нетрадиционные акторы международных отношений – СМИ, в последнее время использующиеся как инструмент МС.

Исследуем применение инструментария МС на территориях бывших среднеазиатских республик двумя странами – Китайской народной республикой (КНР) и Россией, участвующих в реализации проекта «Один пояс, один путь».

КНР использует различные инструменты МС, чтобы усилить свое влияние на страну, а затем заключить с ней договоры. Страны Центральной Азии являются «сердцем» Евразийского континента, из-за чего Китай вынужден многие маршруты строить именно через территории этих стран, что объясняет важность применения МС в этом регионе. С реализацией Нового шелкового пути позиции Китая в мировом господстве еще более усилятся [29-32].

Специфика «мягкой силы» в контексте проекта «Один пояс, один путь» состоит в применении МС в экономическом, миграционно-экономическом и научно-культурном направлениях. Рассмотрим кратко достигнутые ими успехи.

1. *Экономическое* направление. Китай является кредитором стран Центральной Азии, вытеснив с лидирующих позиций Россию и инвестируя многие их инфраструктурные проекты. Экономическая зависимость будет все больше вынуждать высшее руководство этих стран соглашаться на подписание новых договоров, но уже на условиях китайской стороны для расширения возможностей реализации ее проекта «Один пояс, один путь».

2. *Миграционно-экономическое* направление. КНР заключила ряд договоров о переносе ряда китайских предприятий в Казахстан и Кыргызстан, для функционирования которых необходим технический персонал, приезжающий из Китая. Лишь в 2016 г. в Казахстан прибыло около 12 тыс. китайцев, а уже в 2017 г. среди всех иностранных рабочих в Кыргызстане 80%

составляли китайские рабочие. Появление новых предприятий и рабочих углубляет экономическую зависимость стран Центральной Азии от Китая.

3. *Научно-культурное* направление. Среди населения Казахстана существуют стереотипы и опасения по поводу Китая. Главной причиной является низкий уровень осведомленности о культуре и социально-экономической жизни в КНР. Для этого во всему миру начали свое функционирование Институты Конфуция. Их число составляет: 5 – в Казахстане, 3 – в Кыргызстане, 2 – в Узбекистане, 1 – в Таджикистане. Эти институты знакомят местное население с обычаями и нравами китайского народа. На II международной конференции «Транспортные коридоры Евразии: новые пути сотрудничества» (Астана, 14.03.2016) в докладе сотрудника Университета Китайской академии международных отношений Т. Сюя отмечалась несомненная польза для Казахстана от проекта «Шелковый путь»: а) стимулирование экономики через связи с другими странами; б) потенциал для развития внутреннего туризма; в) увеличение экспорта зерна и муки (несомненно, лучший способ заинтересовать партнера – показ *его выгоды*, что ярко показал китайский эксперт); г) ведение активного научно-культурного обмена с местным населением [32].

Сегодня Китай стал второй сверхдержавой и главным лидером в Восточной Азии. Ряд синологов говорят о возрождении в Пекине философии «срединного государства» и амбиций по созданию в регионе китаецентричной модели международных отношений. Россия же не учитывает многие достижения нашего Великого соседа, позволяет себе действовать не спеша, в раскачку, согласно русской народной поговорке: «мы сами с усами».

Незаконный миллион нелегальных мигрантов и ответственность Российских работодателей. Недавно на заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ первый замминистра МВД А. Горовой попросил своих коллег из СНГ до 15.06.2021 г. забрать назад 1 млн. чел. их граждан, незаконно находящихся в России, имеющих разного

рода правонарушения. Без должного исполнения по Указу Президента РФ эти люди должны быть подвергнуты наказанию вплоть до выдворения. К уехавшим никакой правоприменительной практики за нарушение миграционных режимов применять не будут. К нарушителям примут меры вплоть до закрытия границ. Все больше походит не на желание избавить страну от «нелегалов», а лишь оправдаться перед Президентом РФ.

Сколько же всего мигрантов в России, – судя по ответам различных государственных структур, это – либо государственная тайна, либо никто не знает.

В РФ ежегодно находится до 9-11 млн. чел. иностранных граждан. В 2020 г. их численность постепенно снижалась, и сегодня, по данным МВД России, достигает 6,3 млн. чел. Если «коронавирусные проблемы» успешно завершатся, и всё вернётся к средней норме, то таковых в РФ будет 10 млн. чел., из них «трудовых» мигрантов, по данным погранслужбы ФСБ, 2,4 млн. чел. При этом разрешения на работу выдают гражданам Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана, Украины, Молдавии. Граждане входящих в ЕАЭС Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии могут работать в РФ без всяких патентов. Чем занимаются остальные, с чего живут – знает лишь ФМС. РИА Новости недавно опубликованы следующие данные по «нелегалам» (тыс. чел.): Азербайджан – 120,219; Армения – 61,372; Казахстан – 49,240; Киргизия – 115, 588; Молдавия – 56,427; Таджикистан – 247,417; Узбекистан – 332,620; Украина – 152,309. Как в этот список попали граждане Армении, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, стран-членов ЕАЭС, непонятно, но если их из списка исключить, получится около 750 тыс., а всех вместе – ~1,0 млн. чел. «неизвестно кого», живущих «неизвестно где», занимающихся «неизвестно чем», что дико и реально страшно: занятия «неизвестно кого» могут быть чем угодно (терроризм, шпионаж, распространение исламистских и экстремистских идей, запрещенных видов деятельности и др.), неплохо оплачиваемых заинтересованными в этом силами.

Мы совсем не прочь, когда к нам приезжают, получают гражданство и оседают в России, например, культурно близкие нам украинцы, но при одном условии – легальном прибытии и понятных занятиях, полезных для РФ. Но при постоянно звучащих угрозах соседей наводнить страну своими «спящими» диверсантами, способными при обострении отношений России с Украиной устроить нам «кузькину мать», приходится помнить о русской поговорке «семь раз отмерь, один раз отрежь!», при том, что украинца от русского совсем не отличишь.

То же самое, но с более высокой вероятностью, можно говорить и о «гостях» из стран Центральной Азии. Не зря периодически отлавливаемые ФСБ в стране террористические ячейки в большинстве своём состоят либо из «приехавших работать» среднеазиатов, либо из сделавших это раньше, успевших уже получить, а чаще купить российское гражданство криминально-коррупционным образом.

Чтобы видеть в этом реальную угрозу и принимать адекватные меры, генералы из МВД всего лишь «просят» коллег из стран СНГ повлиять на своих соотечественников для их легализации или отъезда! Так они вам и поверили в условиях, когда отовсюду слышны призывы наших «ответственных бизнесменов», паразитирующих на труде мигрантов: «срочно верните мигрантов, да побольше, а то у нас прибыли падают», чему мы с трудом верим.

Если эти «нелегалы» – приличные люди, «хлеб» свой добывают без торговли наркотиками, без подкладывания мин в российские автобусы, а трудами рук своих. Но тогда вопрос: как они без легального статуса в РФ приобрели патент? Ответ многозначен: либо работают по липовым патентам, что уже преступление, либо вовсе без всяких патентов и разрешений, а по «устной договорённости», по которой у нас большинство мигрантов и трудится. Лишь нашему работодателю это выгодно: таким работникам можно недоплатить, не заплатить вовсе, можно без объяснений

уволить, а если обнаружит ФМС – пожать плечами (впервые его вижу, наверно, в гости к земляку пришёл, у которого патент есть).

Разумеется, социальных и иных отчислений с таких работников работодатель не платит, что ему также весьма выгодно (это означает, что, попадая завтра в больницу, лечить его там будут за наш с вами счёт, и это – в дополнение к семьям, родственникам, друзьям и соседям, приехавшим в «гости» к работающим мигрантам). Среди 1 млн. чел. «нелегалов» немало именно таких, с просроченным пребыванием «задержавшихся», но не «по причине коронавирусных мер», а просто приехавших бесплатно учить детей, рожать на последнем месяце жён, больных самыми экзотическими болезнями родственников и др. Все их проблемы будут также решаться за российский счёт. А если супруге легального мигранта удастся зарегистрироваться, то их детей станут бесплатно (для них) учить, понимать русский язык, опять-таки за наш с вами счёт.

Вывод очевиден: проблема возникла из-за неспособности, точнее, нежелания должным образом относиться к своим обязанностям сотрудников ФМС и МВД, ибо у каждого сегодня «свой бизнес». Спрятать в подвале сотню нелегальных гастарбайтеров не сложно, хотя «не заметить» 1 млн. чел. «нелегалов» сложнее. Значит, в стране действует целая криминально-коррупционная система, поправшая требования и интересы государства с его законами, прекрасно адаптирующаяся к любым изменениям, о чем наша правоохранительная и правоприменительная системы понятия не имеют и делают вид, что «все в порядке».

По данным статистики, в МВД РФ трудится до 905 тыс. сотрудников, т.е. по 515 полицейских на каждые 100 тыс. чел. Добавив сюда структуры ФМС с численностью в 37 тыс. чел. получаем численность, более чем внушительную. И вся эта вооруженная рать не может вычислить и отловить примерно равную себе численность «нелегалов»? Вывод опять многозначен: а) разучились работать; б) могу, но не желаю; в) нет политической силы». Поэтому и

возникают очередные просьбы МВД РФ к коллегам из СНГ «провести профилактическую работу со своими людьми» для их добровольной «сдачи» или отъезда до 15 июня, чтобы «не портить отчётность» и др.

Созданное в РФ «мигрантское» лобби успело уже отреагировать и подсуетиться, естественно, в своих интересах. В. Коженев из Федерации мигрантов России призвал власти объявить «широкомасштабную миграционную амнистию» и легализовать оптом всех нелегалов, причём растянуть её во времени, чтобы все могли успеть легализоваться или лучше спрятаться. Кто на это не пойдёт, тех объявить «злостными», и тогда уже выдворять. Между тем, любая легализация пребывания мигрантов в РФ должна сопровождаться ужесточением контрольных и карательных мер.

Каким же оптимистическим видится выход из этой ситуации?

1. В конце марта 2021 г. депутаты Госдумы одобрили, наконец (но лишь в первом чтении), закон, предусматривающий обязательное дактилоскопирование и фотографирование въезжающих в РФ мигрантов (хотя об этом 10-летие назад говорили на всех конференциях по миграции, вызывая в ответ обвинения чуть ли не в фашизме. Человек въезжает в чужую страну, имеющую полное право знать: а) кто в неё въезжает; б) где будет пребывать; в) чем заниматься? Устроился на работу, сменил регион проживания, – следует отметить. Совершил правонарушение, подделал документы, купил фальшивый патент, медкнижку, принимал участие в социальных или национальных разборках и др. – несешь ответственность по законодательству или высылаешься из России навсегда, с занесением этой информации в соответствующую общедоступную базу данных.

2. Не превращать страну, Москву, иные федеральные (региональные тоже) центры, в частности, куда стремится попасть каждый третий мигрант, в проходной двор для всех желающих. Если какой-то российской компании нужен водитель грузовика, надо приглашать именно его, а не чабана,

умеющего ещё копать. Как пример, приведем Москву, открывшую в Узбекистане свой «миграционный центр», призванный набирать желающих работать в Москве по заявкам московских компаний. Второй такой же центр планируют открыть в Таджикистане, что разумно: если уж набирать, то лишь тех, на кого есть заявка. Причём знание русского языка и наличие медкнижки отслеживаются уже там, до пересечения границы, и будут конкретно сами за это отвечать (наконец-то, в РФ хоть кто-то за что-то по мигрантам будет отвечать)!

3. Следует применять по всей строгости закон к потворствующим нелегальной миграции, для чего в УК РФ введена ст. 321.1 «Организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет..., а «с использованием служебного положения – до семи лет». Отсюда продажа и оформление липовых разрешений на работу, медкнижек, перевозка «нелегалов» к «новому месту работы», сдача им жилья без предъявления разрешительного документа от ФМС, отпущенный за мзду полицейским пойманный при проверке документов «нелегал» – всё это подпадает под «организацию нелегальной миграции» и должно караться «до пяти лет». Так почему же не карается?!

4. В отношении самих «нелегалов» следует действовать по И.А. Крылову: «Речей не тратить по-пустому, где нужно власть употребить». Можно объявить «амнистию» (пусть даже до 15 июня), в течение которой «нелегал» сможет зарегистрироваться, остаться, если есть к тому основания, или отделаться максимум высылкой. После этого срока он считается уголовным преступником, равно как и его работодатель, и тот, кто сдал ему без справки жильё, и при отлове получает реальный уголовный срок с последующим пожизненным запретом на въезд.

Если это и нарушит какие-то договорённости и международные конвенции, то главное здесь превыше всего – безопасность страны и всех россиян.

Список литературы

1. Арсеньев Ю.Н., Минаев В.С. Системы – государство – общество – семья»: монография. М.-Тула: Тульский полиграфист 1, 2020. 319 с.
2. Уздемир А.П. Динамические целочисленные задачи оптимизации в экономике. М.: Физматгиз, 1995.
3. Актуальные вопросы истории, философии и права: [кол. монография / Арсеньев Ю.Н. и др.]; под общей ред. И.И. Ивановской. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. 125 с.
4. Состояние, проблемы и перспективы развития современного образования: кол. монография / под общей ред. И.И. Ивановской. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. 293 с.
5. Теоретические и прикладные проблемы науки о человеке и обществе: социальный, правовой, экономический аспекты: [кол. монография / Арсеньев Ю.Н. и др.]; под общей ред. М.В. Посновой. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. 186 с.
6. Современные социально-экономические процессы: опыт теоретического и эмпирического анализа: кол. монография / под общей ред. М.В. Посновой. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. 318 с.
7. Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения: [кол. монография / Арсеньев Ю. Н. и др.]. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2020. 88 с.
8. Капица Л.М. Миграционный цунами в Европейском Союзе. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mgimo.ru/news/experts/migratsionnyy-tsunami-v-nbsp-evropeyskom-soyuze/> (дата обращения 20.04.2021).

9. Проблема беженцев: ООН бьет тревогу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/spec/refugee> (дата обращения: 20.04.2021).
10. Archick K., Margesson R. Europe's Migration and Refugee Crisis. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/IF10259.pdf> (дата обращения: 20.04.2021).
11. Адиятуллина А.Р. Истоки и причины массовой миграции в Европу // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики. Материалы V Всерос. Форума молодых политологов. Москва, 8.12.2018 г. / Под общ. ред. И.А. Помятуева, Р.В. Савенкова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 13-14.
12. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1999. 928 с.
13. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис, 1992, № 4. С. 120-135.
14. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
15. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс – Традиция, 2004. 408 с.
16. Арсеньев Ю.Н., Давыдова Т.Ю. Системы «государство – общество – семья – человек»: культура, религия, бизнес, право, образование // монография / под науч. ред. д.т.н., проф. Ю.Н. Арсеньева. М., Берлин: Изд-во «Директ-Медиа», 2021. 570 с.
17. Бродовская Е.В. Коэволюция институциональных и социокультурных составляющих трансформационного процесса политической системы современной России. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. 212 с.
18. Заславская Т.И. О движущих силах трансформации российского общества // Общество и экономика, 2003, № 6. С. 65-84.
19. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
20. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии, 2000, № 6. С. 3-17.

21. Лапин Н.И. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005, № 6. С. 17-29.

22. Арсеньев Ю.Н., Давыдова Т.Ю. Культура, религия, бизнес, политика, право, менеджмент: модели описания, средства реализации: монография / под науч. ред. д.т.н., проф. Ю.Н. Арсеньева. М.–Тула: Изд-во ИИЦ «Инновации и инвестиции», 2021. 364 с.

23. Фукидид. История Пелопоннесской войны. В 7 т. М.: Мир, 1987.

24. Сайт Президента России: Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru> (дата обращения 25.04.2021).

25. Най Д.С. Будущее власти. М.: АСТ, 2014.

26. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004, № 10. С. 7.

27. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. Концепция внешней политики Российской Федерации.

28. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. Основные направления внешней политики Российской Федерации.

29. Ворочков А.П. «Мягкая сила» современной России: институциональный аспект // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики: Материалы V Всерос. Форума молодых политологов, Москва, 8.12.2018 г. / Под ред. И.А. Помигуева, Р.В. Савенкова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 52-55.

30. Гусейнов Э.А. «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии в контексте инициатив «один пояс, один путь» // Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики: Материалы V Всерос. Форума молодых политологов, Москва, 8.12.2018 г. / Под ред. И.А. Помигуева, Р.В. Савенкова. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 60-61.

31. Садовская Е. Проект «Шелковый путь» и казахстанско-китайские отношения: торгово-экономическое и политическое сотрудничество в

приоритете, культурно-гуманитарное – в потенциале // Экономический коридор Шелкового пути и Казахстан: состояния и перспективы. Сб. статей. 2015. С. 101-116.

32. Транспортные коридоры Евразии: новые пути сотрудничества. Материалы II международной конференции (Астана, 14.03.2016) / Отв. Ред. Е.Т. Карин. Астана: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 2016.

© Ю.Н. Арсеньев, Т.И. Разумовская, Т.Ю. Давыдова, 2021

ГЛАВА II.

УДК 336.71:[338.14:616-036.21]

КОРОНАКРИЗИСНАЯ ЭКОНОМИКА: РЕАЛИИ И ВЕКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

Кушнир Ирина Николаевна

к.э.н., доцент, профессор

Международной Кадровой Академии,

доцент кафедры банковского дела

ГО ВПО «Донецкий национальный

университет экономики и торговли

имени Михаила Туган-Барановского»

ДНР, г. Донецк

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей преодоления последствий пандемий, оценке влияния COVID-19 на экономику отдельных стран; акцентировано внимание на роль синергетики и системного подхода в инструментарии центробанков по выходу из коронакризисной экономики; оценены реалии предоставления банковских услуг в Республике Польша в современных условиях и разработаны векторы преодоления последствий коронавируса в банковском секторе в постковидную эпоху.

Ключевые слова: банк, коронакризис, пандемия, последствия, синергетика, центробанк, экономика, эффект.

**CORONACRISIS ECONOMY: REALITIES AND VECTORS
OF OVERCOMING THE CONSEQUENCES
IN THE BANKING SECTOR**

Kushnir Iryna

candidate of economic sciences,
associate professor, professor of
International Skilled Academy, associate
professor of banking department
State organization of higher professional
education «Donetsk national University
of economy and trade named after
Mykhailo Tugan-Baranovsk»
DPR, t. Donetsk

Abstract: The article is devoted to the study of the features of overcoming the consequences of pandemics, assessing the impact of COVID-19 on the economy of individual countries; focuses on the role of synergy and a systematic approach in the tools of central banks to exit the coronavirus economy; assesses the realities of providing banking services in the Republic of Poland in modern conditions and develops vectors for overcoming the consequences of coronavirus in the banking sector in the post-crisis era.

Key words: bank, central bank, consequences, coronacrisis, economy, effect, pandemic, synergy.

Введение. Мировая экономика столкнулась с очередным классическим «черным лебедем» — финансовым и экономическим кризисом. COVID-19 предсказать не мог никто.

Тем не менее, наступление кризиса и обвал финансовых рынков были ожидаемыми. Это могло произойти и раньше, но центробанки прикладывали максимум усилий, чтобы оттянуть этот момент: запускали печатные станки,

пополняли мировую финансовую систему ликвидностью, подобно сообщающимся сосудам [1, с.86].

Мир столкнулся с корпоративной долговой бомбой, масштабы которой значительно превосходят последствия финансового кризиса 2008г. По самым рискованным долгам стремительно идут дефолты.

Центробанки оказались в ловушке и не могут осуществлять политику стабилизации, поскольку за этим последует ряд банкротств и новый кризис. Сохранением нулевых ставок они провоцируют еще больший рост долгового пузыря[2, с.30].

Возможно, руководители крупнейших мировых регуляторов понимают, что ответственность во многом лежит на них, и это именно их ошибки привели финансовую систему в такую ситуацию, но признавать их никто не хочет, да в этом и нет никакого смысла [3,с.75]. Надо что-то другое, на что можно списать все проблемы, а вместе с ними и долги.

Новый коронавирус COVID-19 спровоцировал сильнейший обвал рынков и уже загнал мировую экономику в рецессию, стал причиной сильнейшего кризиса. Именно вирус, а не правительство той или иной страны либо главы центробанков.

На этот кризис можно списать практически все. Любые ошибки монетарной власти, торговые войны, отсутствие финансовой дисциплины и надлежащей поддержки бизнеса. И именно под этот кризис можно списывать долги, хотя бы частично решая главную проблему, виноват во всем все равно будет COVID-19. Впрочем, как считают некоторые экономисты, списание долгов может спровоцировать дефляцию, и власть сделает все, чтобы этого не допустить.

В любом случае, сейчас центробанки могут запускать стимулы любого масштаба и не встретить на своем пути никакой критики. Пандемия буквально парализовала мировую экономику, превратив крупнейшие города в города-призраки.

Возникла объективная необходимость поиска путей и инструментария преодоления последствий коронакризиса на этапе выздоровления мировой экономики, что и обусловило *актуальность выбранной темы*.

1.1. Преодоление последствий пандемий в экономике: зарубежный опыт и национальные аспекты

Исследованию последствий пандемий и эпидемий посвящен ряд работ зарубежных ученых (рис.1.1).

**Рис. 1.1. Зарубежный опыт исследования
зарубежными учеными последствий пандемий**

Например, Хаакер М. рассматривает экономические издержки пандемии ВИЧ / СПИДа [4, с.199].

Сантаэулалия-Ллопис Р. акцентирует внимание на влиянии пандемии ВИЧ / СПИДа на развитие [5, с.35].

Экономические издержки возможных будущих пандемий и эпидемий заранее были предсказуемы. Например, Блумом Д. Э. определены экономические проблемы, характерные и пандемии COVID-19 [6, с.305].

Леони П. Л. обнаружил, что распространение ВИЧ в развивающихся странах связано со значительным увеличением оборачиваемости депозитов [7, с.228].

Тамура С. и Савада Ю. исследовали возможность страхования в контексте эпидемии птичьего гриппа во Вьетнаме. Такое страхование, по крайней мере, на частном уровне, обычно доступно только тем, кто имеет финансовую поддержку. Нижняя часть пирамиды, скорее всего, не будет учтена [8, с.135; 9, с.465].

В Российской Федерации наблюдаются как негативные, так и позитивные тенденции в экономике на фоне распространения COVID-19. Коронакризис по-разному повлиял на экономические показатели регионов в зависимости от интенсивности пандемии, ситуации до начала пандемии и направления экономической деятельности [10, с.116].

Сокращение поступлений от экспорта энергоресурсов, волатильность финансовых рынков и рост геополитических рисков привели к увеличению оттока капитала и ослаблению рубля.

Денежно-кредитная политика Банка России по-прежнему осуществлялась с соблюдением принципов таргетирования инфляции. Ограничению негативных воздействий коронакризиса способствовали контрциклическая бюджетная политика и объем буферных резервов.

Банковский сектор России устоял от ударов пандемии, однако худшее, возможно, еще впереди. Кризис привел к росту безработицы во всех регионах, однако потеря рабочих мест в основном отмечалась в трех видах экономической деятельности (рис. 1.2).

Рис. 1.2. Тенденции в экономике РФ в период коронакризиса

Больше всего страдают от кризиса работники неформального сектора и трудовые мигранты. Как представляется, меры социальной политики, принятые в условиях пандемии, ослабили ее воздействие на уровень бедности. Как ожидается, проводимая массовая вакцинация в 2021г. выведет экономику на путь устойчивого восстановления и сокращения бедности, но при этом риски смещены вниз. Если в ближайшей перспективе восстановление экономики будет зависеть от результатов борьбы с пандемией, то в

долгосрочной перспективе главным условием развития экономики будет ускорение потенциального роста.

Влияние коронакризиса на экономику, население и бюджет Донецкой Народной Республики представлено в **табл. 1.1**.

Таблица 1.1

Оценка влияния последствий COVID-19 на экономику ДНР

Особенности коронакризисной экономики ДНР		
<i>Бюджет</i>	<i>Экономика</i>	<i>Население</i>
1	2	3
снижение наполняемости доходной базы бюджетов как результат спада деловой активности предпринимателей в республике	катастрофическое снижение поступлений по причине проведения мероприятий карантинного характера	снижение покупательной способности населения республики по причине увольнения, снижения размера заработной платы из-за простоя, неоплачиваемых отпусков, невозможности трудовой миграции
незапланированные расходы бюджета на профилактику и борьбу с распространением COVID-19, поддержку незащищенных слоев населения республики	тенденция к снижению покупательского спроса на товары длительного пользования	увеличение транспортных расходов; лечение, уход за детьми во время карантина, товары первой необходимости и личной гигиены (антисептики, маски, перчатки и т.д.)
ухудшение условий привлекательности для вложения инвестиций в экономику республики	стремительный рост расходов на: профилактические меры по предотвращению заболеваний; организационные мероприятия по изменению логистических схем поставок и перевозки персонала; организацию работы персонала в удаленном доступе	изменение ожиданий и потребительского поведения в отношении товаров и услуг первой необходимости
	снижение финансирования	
	спад производительности труда в виду роста заболеваемости персонала, удаленного режима деятельности, потребности в уходе за детьми, которые не могут посещать детские сады	

Особенности коронакризисной экономики ДНР		
<i>Бюджет</i>	<i>Экономика</i>	<i>Население</i>
1	2	3
	(ясли).	
	перебои в логистике и подорожание товаров (работ, услуг)	
	спад инвестиционной активности.	

Очевидно, что, к сожалению, под влиянием последствий пандемии коронавируса наметилась тенденция к рецессии коронакризисной экономики ДНР, дефициту бюджета, росту социальной напряженности населения и т.д., которые предстоит преодолеть в постковидную эпоху. Важная роль в этом будет отведена центральным банкам.

1.2. Роль синергетики и системного подхода в преодолении центробанками последствий коронакризисной экономики

Системность явлений реального мира в начале XXI столетия уже не вызывает сомнения. Правилom современного научного поиска стало исследование объектов и процессов как систем, то есть во всей совокупности составляющих их компонентов, связей и отношений, включая отношения с окружающей средой. Системные исследования представляют собой совокупность научных и технических теорий, концепций и методов, в которых объект исследования или моделирования рассматривается как система. Видное место в системных исследованиях занимает общая теория систем, основания которой заложил в 40-х гг. XX века Л. фон Берталанфи. Большинство специалистов рассматривает ее как своеобразную метатеорию, которая обобщает выработанные различными отраслями науки знания о системах; как теорию, занимающуюся исследованием системных теорий, выступая как наука о системах любых типов [11, с. 17].

А. Богданов, исследуя объективные законы создания и развития организаций, разработал общую теорию об универсальных типах и

закономерностях построения, структурных преобразованиях организационных форм любых систем.

Общая теория систем опирается на два базовых принципа: принцип системности и принцип изоморфизма.

Принцип изоморфизма обычно понимается как наличие однозначного или частичного соответствия структуры одной системы структуре другой, что позволяет моделировать ту или иную систему с помощью другой, подобной ей в том или ином отношении. Современные исследования в области как общей теории систем, так и областей знаний, во многом возникших на ее основе – синергетика, теория изменений брюссельской научной школы, возглавляемой И. Пригожиным, теория катастроф – позволяют утверждать наличие не только изоморфизма как сходства или строгого соответствия построения систем, но и общего в функционировании и движении систем.

Естественно-научной основой формирования синергетики как новой науки о самоорганизации мира послужили последние достижения физики в области неравновесной термодинамики, что дали другую, в сравнении с классической механикой и термодинамикой, физическую картину мира. Ее становление связывают с трудами известных бельгийских ученых Ильи Пригожина и Изабеллы Стенгерс. Создатели синергетического подхода считают диалектику Гегеля (как и философские идеи К. Маркса) предпосылкой возникновения синергетики [12, с. 251].

Основные идеи и принципы синергетики уже нашли всестороннее обсуждение и развитие в работах современных философов [13, с. 22], где отмечается, что вопреки успешному выявлению признаков интегрального знания, единого определения синергетики пока не существует. Распространенным является ее понимание как теории самоорганизации систем, в своем подавляющем большинстве – открытых, находящихся в состоянии неравновесного энерго-массо-информационного обмена с окружающей средой.

Синергетику и определяют как теорию, раскрывает закономерности и условия протекания быстрых, словно лавина, процессов и процессов нелинейного саморегулирующегося роста сложных систем [14, с. 99].

По мнению основателя синергетики г. Хакена, она в той или иной степени включает тематику всех этих теорий, а потому может претендовать на то, чтобы дать собственное имя указанному учению [15, с. 54].

Но полученные основателями этой науки (г. Хакеном, И. Пригожиным, И.Стенгерс) выводы были настолько ценными, что их стали распространять на любые системы [15, с.354; 16, с.292].

По нашему мнению, синергетика – это общий системный результат, который больше суммы результатов отдельных составляющих системы блоков и элементов. Таким образом, синергетика является составляющей теории систем как отражение результатов функционирования системных организаций. В чем же заключается различие между синергетикой и системными исследованиями, что нового вносит синергетика? Кроме различий, у синергетики и системных исследований есть и общее.

Их сочетают принципы системности, развития, изоморфизма, типология систем (**табл.1.2**).

Таблица 1.2

Соотношение системных исследований и синергетики

Системные исследования	Синергетика
1	2
1. Акцент делают на статике систем, их морфологическом и, реже, функциональном описании	1. Акцентирует внимание на процессах роста, развития и разрушения систем
2. Придают большое значение упорядоченности, равновесию	2. Считает, что хаос играет важную роль в процессах движения систем
3. Изучают процессы организации систем	3. Исследует процессы их самоорганизации
4. Чаще всего, останавливаясь на стадии анализа структуры системы, абстрагируются от кооперативных процессов	4. Подчеркивает кооперативность процессов, лежащих в основе самоорганизации и развития систем

5. Проблему взаимосвязи рассматривают, в основном, как взаимосвязь компонентов внутри системы	5. Изучает совокупность внутренних и внешних взаимосвязей системы
6. Источник движения видят в самой системе	6. Признает большую роль среды в процессе изменения

Как уже отмечалось выше, синергетика впитала в себя все значимые для исследования процессов самоорганизации теоретические и методологические выводы системных исследований.

Оба принципа – принцип системности и принцип изоморфизма – подчеркивают наличие общих системных закономерностей, что не исключает и специфики строения, функционирования и движения систем различных типов. Общие закономерности пытается раскрыть теория систем, тогда как анализом общих и особого в конкретных системах занимаются другие отрасли науки.

Таким образом, целью общей теории систем является поиск принципов, общих для различных объектов, на основе установленного эмпирическими исследованиями изоморфизма структуры объектов, а также их функционирования и движения.

Кроме общей теории систем и наук, занимающихся изучением конкретных систем, системные исследования включают в себя также такие ответвления научного знания, как системный анализ, системный подход. Системный подход представляет собой методологическое выражение принципа системности и в целом общей теории систем, общенаучную методологию качественного исследования и моделирования различных объектов и процессов как систем. Большинство исследователей подчеркивает методологическую роль системного подхода, его качественный характер, а также высказывают вполне справедливое мнение о том, что он является аналогом математики там, где обычная математика неприменима, в частности, в сфере гуманитарного знания. Такое понимание системного подхода связано с тем, что ученые разных областей знания имели возможность убедиться в том, что он призван

выполнять и вполне адекватно выполняет функции интегративного характера, особенно там, где не срабатывают такие обычные средства научного поиска, как наблюдение или эксперимент, и позволяет найти связь объектов и процессов, на первый взгляд не связанных друг с другом.

Недостаточная разработанность методологии системного анализа при исследовании экономических объектов объясняет ограниченность его использования на практике. Системный анализ в узком смысле слова представляет собой методологию принятия решений, а в широком — синтез методологии общей теории систем, системного подхода и системных методов обоснования и принятия решений. Каждый системный объект может быть раскрыт как единство структуры и функции, что является сущностью системного анализа [17, с. 178; 18, с.325].

По нашему мнению, в условиях преодоления коронакризиса деятельность субъектов мировой экономики должна характеризоваться такой степенью взаимосвязи, что достигает синергического эффекта их взаимодействия (от греческого *synergos* — действующий вместе, комплексно).

Словарь Barron's (Баррон) определяет синергию как «взаимодополняющую действие активов двух или нескольких предприятий, совокупный результат которого намного превышает сумму результатов отдельных действий этих предприятий» [11].

Э. Кэмпбелл, К. Саммерс Лачс называют синергический эффект правилом « $2+2=5$ » [7, с.11]. Эту формулу можно трактовать следующим образом:

$$\text{«}2+2+\text{синергический эффект}=5\text{»}, \quad (1.1)$$

В экономике синергический эффект связан, в частности, с тем, что комбинированное использование нескольких взаимосогласованных стратегий оказывается полезнее, чем изолированное внедрение какой-то одной. Ведь при этом различные факторы так влияют друг на друга, что способны вместе достичь большего, чем при отдельном их применении. Поэтому синергию

кратко записывают как «эффект, когда $2+2=5;6;\dots N$ ». Эта формула показывает, что суммарная отдача от нескольких факторов может быть выше, чем сумма показателей независимого использования. Поскольку в экономике постоянно идет речь о комбинации факторов производства, то здесь учет синергических эффектов приобретает стратегическое значение [19, с.9].

По нашему мнению, преодоление последствий коронакризиса в постковидную эру предстоит осуществлять центробанкам с использованием нескольких взаимосогласованных стратегий для достижения синергического эффекта.

1.3. Банковские услуги в Республике Польша: состояние в условиях пандемии COVID-19 и перспективы развития

Наиболее сильным звеном ЕС в период мирового экономического кризиса 2008-2010г.г. оказалась Республика Польша. Это единственная страна-член Евросоюза, которой удалось избежать рецессии, а также сохранить в период кризиса экономический рост. И это неслучайно. За достаточно короткий исторический отрезок времени ей удалось совершить рывок в развитии и заставить весь мир заговорить о «польском экономическом чуде». Впервые Республика Польша вошла в шестерку крупнейших экономик ЕС.

В наименьшей степени, чем в Германии, Италии, Испании, Португалии, Греции, Венгрии и других странах, население Польши ощутило мировой экономический кризис. Банковская система страны продолжала функционировать, практически, как и до кризиса. Финансово-кредитные организации предоставляли своим клиентам широкий спектр банковских услуг.

Так, среди крупнейших финансовых учреждений Польши несомненное первенство принадлежит банку РКО Bank Polski. Вместе с PKN Orlen и Biedronka он входит в тройку наиболее дорогих польских брендов. А по

версии журнала Forbes РКО Bank Polski оказался в 2000 самых больших компаний мира. Клиенты отмечали лояльный подход, широкий выбор услуг и высокий уровень сервиса банка.

РКО Bank Polski – лидер банковских услуг в Польше. Учреждение имеет 1192 отделения, 3190 банкомата, 7,1 миллиона счетов. Активы банка составляют 297 миллиардов злотых, а чистая прибыль в 2017г. достигла более 3 миллиардов злотых.

РКО Bank Polski удовлетворяет практически любые финансовые запросы любых клиентов – от студентов до больших корпораций.

Для физических лиц банк предоставляет такие услуги: открытие и ведение текущих и сберегательных счетов; выпуск банковских карт, в том числе от международных банковских систем Visa и MasterCard; кратко- и долгосрочное кредитование; страхование; интернет-банкинг, в частности предоставляемый и для смартфонов.

Для юридических лиц банк может предложить открытие и ведение текущих, дебетовых или корпоративных счетов, выпуск платежных дебетовых или кредитных банковских карт, расчетно-кассовые услуги, кредитование и страхование, лизинг, факторинг, инвестиционные услуги, интернет-банкинг, мобильный банкинг.

Среди услуг, предоставляемых РКО Bank Polski для юридических и физических лиц, особое внимание заслуживает кредитование.

Эта услуга довольно популярна, поскольку в последние годы процентные ставки по кредитам в польском банке РКО, как и в других банках Польши, существенно снизились.

РКО Bank Polski предоставляет долгосрочные и краткосрочные кредиты.

Наличный заем доступен новым клиентам или людям, которые хотят объединить рассрочку кредитов. Предоставление ссуды осуществляется на основании выписки со счета, подтверждающей доходы за последние три

месяца. Размер кредита – от 1000 до 120 000 злотых, процентная ставка – 3,46%.

Быстрый кредит через интернет используют клиенты, которые нуждаются в деньгах на недолгий период (от 1 до 96 месяцев). Банк предоставляет запрашиваемые средства без посещения отделения клиентом. Заявка подается через систему интернет-банкинга и спустя несколько минут можно пользоваться деньгами. Процентная ставка по таким экспресс-кредитам – 17,43%.

Платиновый наличный кредит предлагается клиентам Aurum Personal и Platinum Personal Banking. Они могут подписать договор на предоставление от 1000 до 1 млн злотых без посещения банка. Срок погашения – до 10 лет с возможностью получения кредитных каникул, процентная ставка – 28,45%.

Для получения долгосрочного ипотечного кредитования необходимо подготовиться перед визитом в банк. Нужно предоставить заявление, документы, подтверждающие платежеспособность (справка о доходах, копия трудового договора, налоговая декларация ПИТ), документы по цели кредитования, обеспечить наличие залога.

Решение о возможности предоставления клиенту ипотеки принимается банком в течение месяца. Примечательно, что процентная ставка по таким кредитам колеблется в диапазоне 3-4% и устанавливается для каждого клиента индивидуально.

Депозиты РКО Bank Polski в Польше также пользуются спросом. Хотя доходность по ним не очень большая (в пределах 4 % для злотых), высоко ценится гарантия возврата вложенных средств.

РКО Bank Polski – образец стабильности, к тому же депозиты до 100 000 евро страхуются и гарантировано выплачиваются в случае потенциальных проблем учреждения. Депозиты можно открыть в национальной валюте, а также в евро или долларах.

В зависимости от потребностей клиента РКО Bank Polski предлагает разные типы счетов. Особенно популярны счета с минимальной стоимостью обслуживания – «Для молодых» и «Все за ноль», которые могут открыть как резиденты Польши, так и иностранцы, приехавшие сюда учиться или работать.

Чтобы открыть счет в РКО Bank Polski, иностранцу достаточно легально пребывать на территории Польши и иметь действующий паспорт либо другой документ, идентифицирующий личность. Открыть счет в банке можно несколькими способами: при личном посещении отделения; через интернет; по телефону.

Наиболее распространен пока первый способ, но в современном мире, когда технологии позволяют решать многие вопросы из дома и когда времени в обрез, все чаще используется возможность открытия счет онлайн.

Например, «ВБК банк Заходни» – молодой банк, появившийся в 2001г. как результат слияния двух банков – Bank Zachodni S.A. и Wielkopolski Bank Kredytowy S.A. Тем не менее, он демонстрирует один из самых высоких показателей роста среди финансовых учреждений Польши и занимает третье место по объему оказываемых услуг.

Еще один молодой известный польский банк «Mbank» славится финансовыми достижениями с 1986 г. Кроме этого, «Mbank» – лидер в развитии мобильного и онлайн-банкинга, а по размерам активов занимает четвертое место в Польше.

Шок, вызванный пандемией COVID-19 не угрожает стабильности финансовой системы в Польше, хотя риск остается повышенным **(рис. 1.3)**.

Uwagi: wielkość koła zależy od skali ryzyka (niskie, średnie, wysokie), a jego kolor od horyzontu materializacji (**krótkoterminowe**, **średnioterminowe** i **długoterminowe**). **Nowe ryzyka** wynikające z COVID-19 oznaczono kolorem fioletowym, a **dotychczasowe ryzyka** kolorem czarnym. **Działania wspierające** stabilność finansową oznaczono kolorem jasnoniebieskim.

**Рис. 1.3. Влияние пандемии коронавируса
на стабильность финансовой системы Республики Польша [20]**

Сопротивлению польского банковского сектора способствуют, в частности: отсутствие финансового и макроэкономического дисбаланса перед пандемией; большая способность поглощения убытков проявляется высоким уровнем и качеством капитала в банковском секторе, а также меры поддержки со стороны общественных институтов.

Риск, однако, остается повышенным. В частности, следует обратить внимание на такие явления. Отчисления на кредитные потери, связанные с последствиями пандемии COVID-19 будут основной причиной существенного снижения финансового результата в банковском секторе. Большинство банков обеспокоенных кредитными потерями, будет предъявлять к банковскому менеджменту капиталом повышенные требования.

Растут юридические риски, связанные с валютными кредитами. Увеличение количества исков, подаваемых в суды заемщиками и процент наблюдений неблагоприятных для банков вызывает необходимость

создания дополнительных списаний и резервов, что в итоге негативно влияет на финансовые результаты и перспективы их дальнейшего формирования.

Действует дальнейшее снижение рентабельности банковского сектора, что ограничило способность банковского сектора к укреплению капитальной базы из полученной прибыли [22, с.134].

Сохраняется сложная ситуация в некоторых финансовых учреждениях. Ранее имевшийся у них дефицит капитала может дальше углубиться в результате последствий пандемии.

Возрастает значение связей между секторами банковским и правительственным в результате повышения участия банковского сектора в государственных облигациях или гарантированно через Казначейство.

Опасения чрезмерного ограничения предложения кредитов банками, так называемые «credit crunch», не подтвердились. Однако неопределенность в отношении будущей кредитной политики банков, увы, остается.

Заключение. Наступит день, когда усилиями ученых и практиков пандемия коронавируса будет позади и начнется постковидная эпоха. Печально, если уроки из нее не будут извлечены, т.к. «история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы»[23]. Однако, к сожалению, редко приходят к выводу о том, что за неизученные уроки народам, рано или поздно, придется платить по счетам – искать центробанкам выход из коронакризиса мировой экономики.

Одним из последствий коронакризиса, в случае недостаточности мер, может оказаться новый всплеск «тенизации экономики», к сожалению, ожидаемо появление серых схем.

Именно поэтому, по нашему мнению, преодоление последствий коронакризиса надо будет осуществлять центробанкам с использованием нескольких взаимосогласованных стратегий для достижения синергического эффекта.

Таким образом, проведенное исследование, учитывая передовой опыт отдельных стран ЕС, позволяет к векторам преодоления последствий коронакризиса, поддержания стабильности финансовых систем РФ и ДНР в постковидную эпоху отнести следующие:

- поддержку Правительством экономики даже за счет наращивания национального долга;
- финансирование системы здравоохранения;
- создание финансовых стимулов для поддержки временно уязвимых людей и бизнесов;
- кредитным организациям, страховым компаниям и инвестиционным фондам следует продолжать свою консервативную дивидендную политику до принятия во внимание последствий пандемии;
- банкам и аудиторам необходимо разработать стабильные и надлежащие методы отчетности по кредитным убыткам и списаниям юридических рисков, связанных с кредитами в иностранной валюте;
- компании с низкими показателями капитала и рентабельности должны активизировать усилия по улучшению ситуации;
- банки и заемщики должны добиваться внесудебного урегулирования споров по вопросам, связанным с жилищными кредитами в иностранной валюте;
- в периоды ухудшения финансового положения банков следует рассмотреть возможность временного сокращения взносов в систему страхования вкладов;
- фондовым компаниям следует соответствовать составу портфелей своих паевых инвестиционных фондов;
- страховые компании должны учитывать риски, связанные с высокой долей ожидаемой прибыли от будущих отчислений собственных средств.

Национальному банку Республики Польша следует рекомендовать реализацию ниже представленных шагов по поддержанию стабильности национальной финансовой системы.

Кредитные учреждения, страховые компании и общества инвестиционных фондов должны продолжать консервативную политику дивидендов до того времени, пока не будут учтены все последствия пандемии.

Банки и аудиторы должны выработать стабильные и адекватные способы отчетности кредитных потерь и списаний по правовым рискам, связанным с кредитами в иностранной валюте.

Субъекты с низкими коэффициентами капитала и снижение рентабельности должны активизировать меры, направленные на улучшение ситуации.

Банки и заемщики должны стремиться к внесудебному урегулированию споров в вопросах, касающихся жилищных кредитов в иностранной валюте.

В период ухудшения финансового положения банков необходимо рассмотреть переходные снижения взносов в систему страхования вкладов.

Список литературы

1. Пихорович, В. Д. Логика «коронакризиса»: Мировая экономическая катастрофа начала XXI века. Марксистский анализ/ В. Д. Пихорович. – М.: URSS, 2021. – 200 с.

2. Коронакризис – 2020: что будет и что делать? Сценарии развития и меры экономической политики / под ред. К. Рогова. – М.: Либеральная миссия, 2020. – 45с.

3. Иванова, Т. Ю. Теория менеджмента. Синергетический менеджмент: учебник для вузов / Т. Ю. Иванова, Э. М. Коротков, В. И. Приходько. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 331с.

4. Хакер, М. Влияние ВИЧ / СПИДа на государственные финансы и общественные услуги / М. Хакер // Макроэкономика ВИЧ / СПИДа. – 2004. – №3. – С.198-205.
5. Сантаэулалия-Ллопис, Р. Совокупное влияние СПИДа на развитие/ Р. Сантаэулалия-Ллопис // Вашингтонский университет в Сент-Луисе, неопубликованная рукопись. – 2008. – №8. – С.34-46.
6. Блум, Д. Э. Эпидемии и экономика/ Д.Э. Блум // Взаимодействие между глобальными изменениями и здоровьем человека (Scripta Varia). – 2004. – Т. 106. – №17. – С.304-331.
7. Леони, П. Л. ВИЧ / СПИД и стабильность банковской системы в развивающихся странах/ П. Л. Леони // Бюллетень экономических исследований. – 2013. –Т.65. –№3. –С.225-237.
8. Тамура, С., Савада, Ю., Страхование потребления от непредвиденных эпидемий: Случай птичьего гриппа во Вьетнаме. / С. Тамура, Ю. Савада // Финансы и страхование. – 2009. – №23. – С.134-141.
9. Савада, Ю., Шимизутани, С. Как люди справляются со стихийными бедствиями? Свидетельства Великого землетрясения в Хансин-Авадзи (Кобе) в 1995г./ Ю. Савада, С. Шимизутани // Журнал денег, кредита и банковского дела. – 2008. – Т.40. – №2. – С.463-488.
10. Доклад об экономике России № 44. Рост экономики России замедляется на фоне второй волны COVID-19: надежды на улучшение ситуации связаны с появлением вакцины. – М.: Центр глобальной практики по вопросам макроэкономической, торговой и инвестиционной политики (МТИ), 2020. – С.116. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pubdocs.worldbank.org/en/189351608098609835/Russia-Economic-Report-44-in-Russian.pdf>
11. Dictionary of Business Terms / [J.P. Friedman Contributing Authors: S.S. Barnhill, J. Clark and others]. –New York: Barron's, 2000. –767p.

12. Кемпбелл, Э. Стратегический синергизм: как создается кумулятивный положительный эффект ($2+2=5$) / Э. Кемпбелл; К.С. Лачс: [Пер. с англ. Е. Ковачева, А. Колос]. – Спб.: Питер, 2004.–416с.

13. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология [Электронный ре-сурс] / Назаретян А.П. – Москва, Саратов: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. – 240с.

14. Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. Кн.1. Изд. 4, испр. и сущ. дополн. – М.: URSS, 2020. –152 с.

15. Хакен, Г. Синергетика: принципы и основы. Перспективы и приложения: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. Пер. с англ./ Г. Хакен. – Ч.2. – Изд. 2. – М.: URSS, 2015. – 432 с.

16. Prigogine, I., Stengers, I. Order out of chaos/ I. Prigogine, I. Stengers. – М.: URSS, 2021. –320 p.

17. Заграновская, А. В. Теория систем и системный анализ в экономике: учебное пособие для вузов / А. В. Заграновская, Ю. Н. Эйсснер. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 266 с.

18. Капра, Ф., Луизи, П. Системный взгляд на жизнь: целостное представление. Пер. с англ./ Ф.Капра, П.Луизи. – М.: URSS. 2020. – 504 с.

19. Kushnir, I. Synergien und systemansatz als instrumente zur überwindung der auswirkungen der koronakrise durch die Zentralbanken/ I. Kushnir// The scientific heritage.–2021. –№58(58). –Vol.4.–S.8-11. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-58-4-8-11

20. Raport o stabilności systemu finansowego. Ocena skutków pandemii COVID–19. Grudzień 2020r. [Zasoby elektroniczne]. – Tryb dostępu: <https://www.nbp.pl/systemfinansowy/rsf122020.pdf>

21. Falagiarda, M., Prapiestis, A., Rancoita, E. Public loan guarantees and bank lending in the COVID-19 period / M. Falagiarda, A. Prapiestis, E. Rancoita//

EBC Economic Bulletin, Issue. 24 września 2020. –№6. [Zasoby elektroniczne]. – Tryb dostępu: <https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/html/eb202006.en.html#toc22>

22. Kushnir, I., Nowak, T. Cechy usług bankowych w Polsce: stan w obliczu pandemii COVID-19 i perspektywy rozwoju / I. Kushnir, T. Nowak // Развитие банковской системы в современных условиях: проблемы и перспективы: материалы V-й Международной научно-практической интернет-конференции. – Донецк: ГО ВПО «ДонНУЭТ имени Михаила Туган-Барановского», 2020. –С.133-136.

23. Гегель, Г. Викицитатник. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: https://ru.wikiquote.org/wiki/Георг_Гегель#Цитаты

ГЛАВА III.

УДК 304.2

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ДИНАМИКИ ЦЕННОСТЕЙ СТАРШИХ ГОРОДСКИХ ПОДРОСТКОВ)

Селиванова Зухра Кадимовна

канд. социол. н., доцент,

доц. каф. философии, политологии, социологии

ФГБОУ ВО «Национальный

исследовательский университет «МЭИ»

Аннотация: Рассматривается вопрос о цивилизационной ориентации России, отмечено, что в русском общественном сознании не переставало быть актуальным дилемма «традиционализма» и «либерализма». Представлена динамика ценностей старших городских подростков Республики Башкортостан, полученная на основе результатов серии социологических исследований, проведенных автором с 1993 по 2018 гг. Выявлено, что в течение 26-летнего периода исследований старшие городские подростки продолжают воспроизводить традиционные ценности и жизненные цели. Процессы либерализации российского общества в целом мало отразились на системе ценностей старших подростков. Россия продолжает сохранять культурную идентичность и совпадение ценностно-культурного вектора с реальной практикой способно усилить мощь российской цивилизации.

Ключевые слова: путь развития, ценности, динамика, социологические исследования, российские старшие подростки.

**TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY:
EXPECTATIONS AND REALITY (ON THE EXAMPLE
OF THE DYNAMICS OF VALUES OF OLDER URBAN TEENAGERS)**

Selivanova Zuhra Kadimovna

candidate of social sciences, associate professor

Abstract: The author considers the question of the civilizational orientation of Russia, and notes that the dilemma of «traditionalism» and «liberalism» has never ceased to be relevant in the Russian public consciousness. The article presents the dynamics of values of older urban adolescents of the Republic of Bashkortostan, obtained on the basis of the results of a series of sociological studies conducted by the author from 1993 to 2018. It was revealed that during the 26-year research period, older urban teenagers continue to reproduce traditional values and life goals. The processes of liberalization of Russian society as a whole have had little impact on the system of values of older adolescents. Russia continues to preserve its cultural identity, and the coincidence of the value-cultural vector with real practice can strengthen the power of Russian civilization.

Key words: path of development, values, dynamics, sociological research, Russian older adolescents.

Поиск путей развития России, оценки различных вариантов, дискуссии вокруг этого имеют многовековую историю. Современная версия – выбор между прозападным и собственно российским вариантами развития, между либерально-рыночной моделью и моделью социально-ориентированного государства также имеют давнюю историю, которая началась в XIX веке в дискуссиях западников и славянофилов. Она переформатировалась в дискуссию между векторами международно-интернационального и советско-патриотического развития в середине XX века и вновь возродилась в виде

противостояния социализма и буржуазно-либеральной модели в конце XX – начале XXI веков. В этих идейных и идеологических дискуссиях сломано много копий. Однако время все расставляет на свои места и история доказывает одно и опровергает другое, оказываясь тем высшим судьей, против аргументов которого невозможно спорить.

В данной статье на основе результатов социологических исследований анализируются результаты эволюции ценностных аспектов и тем самым оцениваются ожидания мыслителей России различных эпох, взглядов, жанров философской и научной деятельности в их заочной дискуссии.

В начале перестройки и последовавших событиях 1980-90-х годов на арене идейной борьбы, несколько огрубляя, столкнулись две позиции.

Представители первой позиции, опираясь на очевидные успехи развития Запада и мировую науку, считали, что СССР-Россия в прошлом своем развитии ушла с магистрального пути развития мировой цивилизации и должна на него вернуться, встав на тот путь развития, которым шел Запад – либерализм и рыночная экономика на основе частной собственности. При этом полагалось, что народ постепенно сможет преобразоваться из «гомосоветикуса» в «цивилизованного человека» и были соответствующие ожидания, в том числе у многих представителей научного сообщества даже вопреки социологическим фактам той эпохи. Так, авторитетный социолог того периода академик Т.И. Заславская в своем докладе 1995 года писала: «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.» [2, с. 4]. Сергей Кара-Мурза жестко критикует ее в своей работе: «Итак, 93% работников не могут жить так, как жили до приватизации, – за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные

источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т. д.») – но социолог считает, что приватизация не повлияла на экономическое поведение.

Из того, что сказала сама Т. И. Заславская, прямо вытекает, что приватизация повлияла на экономическое поведение подавляющего большинства граждан, причем кардинальным образом. Нелогичность ее утверждения – следствие аутистического сознания. Идеологи реформы видят только приятные изменения, а если влияние приватизации «на поведение массовых социальных групп» им неприятно, то этого влияния просто не видят.

Аутистическое мышление отражается и в современных воспоминаниях разработчиков доктрины реформ...» [5, с. 19]. И по мнению С.Г. Кара-Мурзы: «В 1988 г. академик Т.И. Заславская огласила целевую установку перестройки. Она заявила: «Перестройка – это изменение типа траектории, по которой движется общество».

Предлагалось кардинально изменить вектор развития страны, произвести не улучшение каких-то сторон жизни, а смену самого типа жизнеустройства, то есть всех сторон общественного и личного бытия. Однако понять, каковы ориентиры этого изменения, в сторону какого образа будущего будет двигаться страна, было невозможно» [6, с. 245]. Заметим, что до сих пор по истечении тридцати лет нет четких траекторий развития страны, не сформирован образ ее будущего и Россия вновь стоит перед выбором дальнейшего пути развития. На основе социологических исследований в коллективной монографии сотрудников Института социологии РАН делается вывод, что «...на протяжении последнего десятилетия образ будущего в умах россиян становился все более неоднозначным» [10, с. 310]. Далее «... самой многочисленной и растущей группой являются люди с внутренне противоречивым представлением о желаемом будущем – им не нравится ни продолжение существующих «правил игры», ни их изменение. В то же время среди тех россиян, у кого сложился образ желаемого будущего более логичен, желающих перемен вдвое больше, чем желающих продолжения действующего курса» [10, с. 325]. Считаем не менее

важным еще один вывод, приведенный в этой же книге «российская модель традиционалистской модернизации в сочетании с концепцией многополярного мира выступает как одна из возможных исторических альтернатив доминирующей в настоящее время неолиберальной модели» [10, с. 138].

Обратимся к результатам других исследований. На основе анализа статистики обследований национальных ценностных структур стран Азии, Африки, Латинской Америки и России Е. Ясин утверждает, что в сравнении с гражданами вышеназванных стран россияне достаточно близки к западно-европейской цивилизации и в то же время более консервативны, традиционны, более склонны к порядку [14, с. 4-29]. Примерно в этот же период с 2006–2007 гг. по той же методике Ш. Шварца были исследованы ценности граждан в 25 европейских стран. Сравнительный анализ показал, что для россиян также как и для граждан ряда европейских стран свойственны примерно одинаковые ценности, но россиянам свойственна более высокая потребность в защите со стороны государства, менее выражены потребности в свободе и самостоятельности, склонности к риску, стремление к веселью и удовольствиям [9, с. 47].

Представители второй позиции, опираясь на наследие отечественной философской мысли, социологические, экономические и статистические исследования доказывали, что СССР-Россия должна идти «своим путем», что прозападный вектор для страны неприемлем и даже губителен. Здесь утверждалось, что культурно-историческая традиция не даст возможности российскому человеку преобразоваться в прозападного человека, а потому сформировать эффективную модель развития экономики и страны на основе либерально-рыночной конструкции общества, ведь «советская мифология и система ценностей глубоко укоренены в российском массовом сознании» [10, с. 253].

Страна в своем развитии пошла по первому пути. С начала эпохи развития по этому пути прошло более четверти века. И этот большой

исторический период стал практическим экспериментом в обсуждении данной проблемы. Сильные эмоции и страсти постепенно улеглись и можно оценить его результаты рационально-холодной научной цифрой. Тем более, что исследования в той или иной мере проводились на протяжении всего периода и продолжают проводиться. «Представленные в работе результаты исследований показывают, что за последние 15 лет вырос уровень идентичности россиян с евразийской цивилизацией (60% опрошенных респондентов считают Россию особой евразийской цивилизацией) и упал уровень европейской идентичности (теперь лишь 40% россиян считают, что Россия – это часть Европы-Запада)» [10, с. 100].

«...российское общество вновь сталкивается с той же проблемой – традиционализм опять противостоит активности либерализма. Вновь в российском обществе произошел раскол на «консервативное большинство» (83%) и прозападное «либеральное меньшинство» (16%) [10, с. 242]. Важно, что при этом либеральное меньшинство, имея более высокие социальные и образовательные показатели, более высокую степень вовлеченности в информационные процессы, оказывает существенное влияние на общественно-политическую жизнь. Видимо, есть основания согласиться с тем, что в российском обществе существует ряд устойчиво воспроизводящихся культурных характеристик, не дающих ей ни превратиться в страну полностью традиционалистскую, ни полностью либеральную. Причем, действительно «...мировоззренческая палитра российского общества... является более сложной, чем дифференциация по шкале консерватизм – либерализм» [10, с. 242], что подтверждается и другими исследованиями ИС РАН» [12, с. 165]. В этой же книге опубликованы результаты исследований трансформации системы ценностей россиян и «в качестве базовых ценностей консервативного большинства отмечены социальная справедливость (47%), национальные традиции, моральные и религиозные ценности (35%), ценности великой державы, империи (32%) [10, с. 239-240]. При этом ценности либерального

сегмента имеют существенно меньший «вес»: права человека, демократия, свобода самовыражения личности – 27%; свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику – 13%; сближение с Западом – 11%. То есть в ценностном сознании большинства россиян продолжает сохраняться консерватизм, традиционность, что подтверждается и множеством других исследований» [12, с. 164].

Общие результаты эмпирических исследований в разных отношениях демонстрируют следующий результат – при безоговорочной победе первого варианта развития в исторической практике – в культурно-цивилизационном отношении правы оказались представители второго варианта.

«Причем, как традиционалисты, так и сторонники западно-ориентированной либеральной демократии ратуют за «особый» путь развития России – как в свое время «славянофилы» и «западники». Более того, можно утверждать, что именно государственно-гражданская идентичность является одним из ресурсов сплочения россиян» [12, с. 164] и приводимые в книге «Российское общество и вызовы времени» результаты мегапроекта подтверждают это: «...основными в гражданской идентичности являются осознание государственной общности (66%); территориальной (общность со страной 54%); русский язык, историческое прошлое и культура (символы, обычаи, праздники по 37%)» [10, с. 277].

Н.М. Лебедева подчеркивает, что сопоставляя системы ценностей в европейских странах: «Посткоммунистические общества лежат намного ниже, чем другие, по шкале доверия, толерантности, ценностей самовыражения, являющимися главными в измерении кросскультурной вариативности» [8]. В.А. Ядов, дополняя ее, пишет: «Ценности материального благополучия уступают в иерархии таким, как ценности саморазвития личности, свободы и обеспокоенности об охране среды обитания. Заметим, что в этих констатациях фиксируются вековое наследие прошлого и наследие недавнего доперестроечного» [13].

Как участник многих исследований, в том числе и международного проекта «Европейское социальное исследование», связанных с изучением ценностей, Н.И. Лапин делает вывод: «Толерантный симбиоз культурно разнородных ценностей стал практическим ответом жизненных миров россиян на аксиологический вызов трансформирующегося общества» [7, с. 280-281]. Такой симбиоз различных ценностей указывает на усложнение структуры культуры российского общества.

С научной точки зрения приходится констатировать, что весь постсоветский период и в настоящее время Россия в виде подавляющего большинства ее граждан живет в условиях разрыва-противостояния ценностно-смысловой сферы и реальной экономической, политической и правовой практики. Жизнь изменилась – а человек в ней не стал тем, под кого эта форма жизни создана.

Однако одновременно понятно, что нет никаких оснований ни призывать, ни ожидать каких-то революционных потрясений. Человек приспособился? Или трансформировался?

Есть все основания полагать, что ценностно-смысловой ответ на новые условия обществом уже дан и иного ответа в ближайшее время не будет. Каков же этот ответ? Попытаемся оценить его по результатам динамики иерархии жизненных целей старших городских подростков и реальных способов проведения свободного времени на протяжении 26-летнего периода.

Как же обустраивается российский человек и российский подросток в существующей реальности?

Приводятся результаты авторских социологических исследований, проведенных в городах Республики Башкортостан, начиная с 1993 по 2018 годы и в 2014 году в городе Москве. Объект исследования – это городские старшие подростки (14-17 лет). В российской прикладной социологии исследованиями системы ценностей и ценностных ориентаций указанной

возрастной категории занимается небольшое число исследователей и в этой связи подобные исследования становятся достаточно актуальными.

Таблица 1

**Динамика иерархии жизненных целей старших подростков
(в % от числа опрошенных с разбивкой по годам)***

№	Варианты ответа	1993	1995	1997	1999	2010	2014 Башкортостан /Москва	2018
1	Иметь хорошую профессию	48	67	84	82	85	80/ 77	64
2	Иметь хорошую семью, детей	57	63	77	75	77	79/76	53
3	Встретить большую любовь	37	35	52	53	47	40/42	38
4	Иметь много друзей	39	41	63	62	46	37/33	29
5	Открыть свое дело, предприятие	14	19	30	42	46	40/38	32
6	Стать сильным и независимым	10	18	24	21	35	38/36	39
7	Иметь квартиру, много вещей, машину	18	24	40	35	33	32/36	29
8	Иметь много денег	21	25	40	40	30	25/28	37
9	Бороться со злом, за справедливость	6	10	12	10	10	9/9	11
10	Не работать и жить в свое удовольствие	4	2	3	2	1,5	5/1	9
11	Научиться творить прекрасное (в искусстве, науке)	3	9	9	11	14	16/19	30
12	Не задумывался об этом	5	0,4	0,2	0,5	0,8	2/1	3
13	Целей нет – живу, как живется	3	0,7	0,2	0,8	1,5	2/3	6
14	Уничтожать людей – я их ненавижу	0,4	0,4	0,4	1	3	5/6	6

*Рейтинг вариантов ответов выстроен по результатам 2014 года.

Анализ приведенной таблицы показывает, что более 65 % респондентов, начиная с 1995 года в качестве жизненных целей выбирают варианты ответов «иметь хорошую профессию» и «иметь хорошую семью, детей», которые прочно удерживаются на первых местах рейтинга жизненных целей. Причем в

1993 году на первом месте была цель «иметь хорошую семью, детей», на втором – цель «иметь хорошую профессию», которые в 1995 году поменялись местами и до настоящего времени остаются на тех же местах. Цели «встретить большую любовь», «иметь много друзей», испытывая небольшие колебания в разные годы исследований занимают 3-5 места рейтинга. Причем вариант ответа «иметь много друзей» с годами теряет процент выборов (максимальный в 1997 году – 63%, минимальный в 2018 году – 29%). Одновременно набирают вес варианты ответов «стать сильным и независимым», «иметь квартиру, много вещей, машину». «иметь много денег», переходя на более высокие позиции, оттеснив предыдущие варианты ответов. Акцентируем внимание на том, что вариант ответа «не работать и жить в свое удовольствие», испытывая колебания в разные годы исследований выросло с 4 до 9%, то есть процент старших подростков, имеющих цель праздной жизни вырос в два с лишним раза. Считаем, что одним из факторов формирования и упрочения в сознании подростков такой цели является СМИ, показывающих образ и условия жизни богатых людей, как отечественных, так и иностранцев. Причем этот вариант ответа выбирает в сравнении с башкирскими школьниками меньшее количество московских школьников (всего 1%).

В 2018 году по сравнению с 1993 годом в 10 раз вырос процент выборов варианта «научиться творить прекрасное (в искусстве, науке)» (с 3% до 30%). Процент выбора варианта ответа респондентами-подростками, видящих свою цель в том, чтобы «бороться со злом, за справедливость» колеблется за период исследования от 6 % до 12 %. Среди старших подростков растут агрессивные мизантропические настроения, подростков выбирающих вариант «уничтожать людей – я их ненавижу» в 1993-1995 годах было всего 0,4%, а в 2018 году уже – 6%, и в 2014 году примерно одинаковый процент таких подростков и в республике Башкортостан и городе Москве (соответственно 5 и 6%), что должно вызывать у общества настороженность, так как эти подростки находятся в группе риска.

Анализ полученных результатов показывает: в 1993 году «не задумывалось о своих жизненных целях» 5% опрошенных и в последующие годы выбор этого ответа снижается 0,2% и вновь растет до 3% в 2018 году. Бесцельно живущих (13-е место в рейтинге) в 1993 году – 3%, в дальнейшем процент уменьшается до 0,2% (1997 г.), в 2018 году вырастает до 6 %, то есть беззаботных подростков среди старших подростков с годами становится все больше.

Отметим, что иерархия жизненных целей и процент выборов вариантов ответов в 2014 году у респондентов-подростков Республики Башкортостан и города Москвы практически совпадает.

«Корреляционный анализ вопроса о жизненных целях подростков в зависимости от состава их семьи показывает, что имеются несущественные колебания при ответе на этот вопрос полных семьях в пределах 3-6%. Отличий по возрасту при выборе жизненных целей подростками практически нет, колебания в пределах до 3%. Отличия по полу есть, но они не имеют принципиального характера». Более подробно о обстоятельствах формирования такой динамики в иерархии жизненных целей можно посмотреть [11, с. 52].

Акцентируем внимание на том, что динамика иерархии жизненных целей старших подростков Республики Башкортостан практически не меняется за весь период исследований, лишь некоторые цели меняются местами, набирая больший или меньший процент выборов. Полученная динамика показывает, что старшие городские подростки Республики Башкортостан и города Москвы продолжают воспроизводить традиционные для россиян жизненные цели, что подтверждается исследованиями и других авторов [3, с. 211-214; 4, с. 643]. Например, у Н.А. Журавлевой иерархия ценностей в целом совпадает с результатами, полученными автором: после доминирующих традиционных ценностей, занимающих 1-4-е места (см. Табл. 1) располагаются прагматические жизненные цели (иметь много денег, квартиру, много вещей, машину, открыть свое дело, предприятие).

Семья как один из важнейших агентов социализации старших подростков активно воздействует на формирование личности молодого человека, на его мировоззрение и систему ценностей, ценностных ориентаций. В первую очередь на все это влияет образ жизни семьи, степень интенсивности контактов родителей и детей. На протяжении серии авторских исследований выявлено, что более 75% подростков проводят время с родителями «постоянно вместе» и «очень часто». И всего 3% респондентов ответили, что живут с родителями «разной жизнью» или почти никогда не проводят с ними время, остальные опрашиваемые проводят время вместе с родителями редко. Что же делают старшие подростки во время совместного времяпровождения с родителями? В основном делают домашние дела; ездят к родственникам, в деревню; смотрят телевизор, кино, слушают музыку; ходят в гости или принимают гостей; совершают прогулки в лес, за город, на рыбалку, в походы. Такие результаты подтверждают традиционные семейные ценности российского общества. Во время такого совместного времяпровождения родители на своем личном примере оказывают активное воспитательное воздействие на детей.

Сравнительно-корреляционный анализ позволяет проследить взаимосвязь между отношениями в семье, уровнем психологического комфорта и формированием системы ценностей. Старшие подростки, которые почти никогда не проводят время с родителями или живут с родителями разной жизнью значительно меньше уверены в себе, поэтому среди таких подростков значительно большее количество тех, кто хочет стать сильным и независимым. А также по сравнению с другими такие подростки намного меньше устремлены на получение хорошей профессии. Кроме того у подростков, живущих с родителями разной жизнью почти вдвое снижена степень романтического оптимизма.

Проанализируем данные, полученные автором в серии исследований о том, как в реальности проводят свободное время старшие подростки. Ниже

представлены динамики рейтингов способов проведения свободного времени, ГЛАВАенные по гендерному признаку.

Таблица 2

**Динамика рейтинга способов проведения свободного времени юношами
(в % от числа опрошенных с разбивкой по годам)***

Вариант ответа		Год				
		1997	1999	2010	2014	2018
1	Слушаю музыку	64	70	59	61	60
2	Играю в многопользовательские онлайн игры через Интернет	0	0	27	35	47
3	Отдыхаю в компании друзей, с ребятами	60	66	56	60	45
4	Занимаюсь спортом	47	50	52	50	43
5	Общаюсь в социальных сетях («В контакте», «Одноклассники» и т.п.)	0	0	38	49	39
6	Занимаюсь своим увлечением, хобби	19	18	27	29	38
7	Читаю интересные книги	30	25	17	18	28
8	Дополнительная учеба (овладение науками, иностранными языками и т.д.)	0	0	14	11	24
9	Смотрю ТВ, кино, видео, DVD	65	70	43	26	22
10	Играю в однопользовательские игры без подключения к сети Интернет	0	0	19	13	20
11	Провожу время с родными, родителями или со своей семьей	25	21	23	21	15
12	Ничего не делаю	3	3	3	6	10
13	Рыбалка, лес, туризм, отдых за городом	47	43	31	28	8
14	Хожу в кафе, бары, рестораны	2	10	12	6	8
15	Хожу в театры, на концерты, выставки и т.д.	2	2	2	3	5
16	Свободного времени практически нет	4	4	6	4	5
17	Свой вариант ответа	3	4	4	6	5
18	Ухаживаю за огородом, отдыхаю на даче	15	16	5	17	4
19	Хожу на танцы, дискотеки, в клубы, на опен-эйры	22	27	13	3	4

*Рейтинг выстроен по 2018 году.

Таблица 3

**Динамика рейтинга способов проведения свободного времени девушками
(в % от числа опрошенных с разбивкой по годам)***

Вариант ответа		Год				
		1997	1999	2010	2014	2018
1	Слушаю музыку	67	78	66	60	66
2	Общаюсь в социальных сетях («В контакте», «Одноклассники» и т.п.)	0	0	52	65	55
3	Отдыхаю в компании друзей, с ребятами	68	65	64	61	46
4	Провожу время с родными, родителями или со своей семьей	25	41	43	42	40
5	Занимаюсь своим увлечением, хобби	19	18	28	32	35
6	Дополнительная учеба (овладение науками, иностранными языками и т.д.)	0	0	24	24	35
7	Занимаюсь спортом	11	17	32	37	33
8	Читаю интересные книги	44	37	28	39	31
9	Смотрю ТВ, кино, видео	62	64	43	27	24
10	Хожу в театры, на концерты, выставки и т.д.	1	4	5	5	14
11	Хожу в кафе, бары, рестораны	4	10	11	8	13
12	Свободного времени практически нет	6	7	10	10	11
13	Ничего не делаю	3	8	3	5	9
14	Рыбалка, лес, туризм, отдых за городом	20	10	11	8	7
15	Играю в однопользовательские игры без подключения к сети Интернет	0	0	3	3	6
16	Играю в многопользовательские он-лайн игры через Интернет	0	0	4	4	5
17	Ухаживаю за огородом, отдыхаю на даче	22	17	4	12	5
18	Свой вариант ответа	6	5	4	3	4
19	Хожу на танцы, дискотеки, в клубы, на опен-эйры	40	41	11	4	3

*Рейтинг выстроен по 2018 году.

В свободное время старшие подростки и вместе с родителями и отдельно от них в основном слушают музыку. И юношей, и девушек, слушающих музыку более 60 % в разные годы. На втором месте в рейтинге способов проведения свободного времени у юношей – компьютерные игры, у девушек – общение в

социальных сетях. На третьем месте и у юношей, и у девушек – отдых в компании друзей. На четвертом месте у юношей – занятия спортом, у девушек – совместное времяпровождение с родителями. Анализ таблиц 2 и 3 показывает, что определенная часть старших подростков ведут развлекательный образ жизни в свободное от учебы время, то есть неконструктивно проводят свободное время. Считаем: российский подросток использует лишь внешний антураж – развлечение и отдых – из предоставившихся ему новых возможностей. Собственно, это делали и дворяне в XIX веке. История расставила все на свои места и показала слабую эффективность использования набора социальных технологий западной цивилизации.

Рассмотрим еще один аспект дилеммы «традиционализма» и «либерализма» – приверженность старших подростков коллективизму или индивидуализму как ярчайших характеристик российского традиционализма и западного либерализма (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика приверженности старших подростков коллективизму или индивидуализму (в % от числа опрошенных с разбивкой по годам)*

Вопрос: «Что бы ты выбрал: какое-то коллективное, общее дело (с друзьями, родными, сверстниками всей страны) или собственное материальное положение?»								
№	Вариант ответа	Год						
		1993	1995	1997	1999	2010	2014	2018
1	Постараюсь соединить и то, и другое	50	56	62	43	58	57	54
2	Затрудняюсь ответить	29	28	15	37	14	15	21
3	Всегда выберу свое материальное положение: каждый сам за себя	13	9	11	11	11	10	18
4	Общее дело, могу для этого пожертвовать своим благосостоянием	8	7	12	9	17	18	8

*Рейтинг выстроен по результатам 2018 года.

Более 50% опрошенных выбрали вариант ответа «постараюсь соединить и то, и другое», хотя при этом от 14 до 29% затрудняются ответить на этот вопрос.

Оказалось процент индивидуалистов, выбирающих собственное материальное положение и свой интерес колеблется в разные годы в пределах 9-13% и в 2018 году вырастает до 18%. Большинство респондентов выбирают коллективное, общее дело и для них является естественным соединением своих интересов и интересов друзей, родственников. Данные исследований показывают, что 97% подростков имеют друзей. То есть большинство городских старших подростков привержены коллективизму и почти для всех подростков важна и ценна дружба.

Лишь совпадение ценностно-культурного вектора и реальной практики способно усилить мощь российской цивилизации. И если российский человек не идет в сторону современной экономико-политической реальности неизбежно эта реальность должна снова пойти к этому человеку. «...Россия нашла в себе силы сохранить культурную идентичность, она стремится вновь обрести национальный и культурный суверенитет, вернуться к своей традиции, в том числе внутренне готова к укреплению вектора на возрождение активной евразийской политики и более тесной интеграции со странами бывшего СССР ... на основе традиционных принципов справедливости и с учетом сложившихся в последние десятилетия новых культурных и политических реалий» [1, с. 204].

Таким образом, авторское лонгитюдное исследование, длиною в 26 лет, охватывающее разные города Республики Башкортостан (в 2014 году и город Москва) выявило, что в среде городских старших подростков продолжают воспроизводиться и доминировать традиционные для россиян ценности – это ценности семьи, дружбы, коллективизма, ценности профессионализма и морально-нравственные ценности, то есть процессы по либерализации российского общества посредством различных агентов как внутренних, так и внешних в целом пока никак не отразились на воспроизводстве традиционных

ценностей. Такая неопровержимая данность оправдывает ожидания мыслителей, которые утверждали, что у России «свой путь» и она должна продолжать им «идти», при этом разбивая все ожидания критиков данной позиции. Так или иначе, но Россия идет своим путем, отбрасывая чуждые ценности и сохраняя свои ценности, традиции, обычаи.

Список литературы

1. Андреев А.Л., Селиванова З.К. Некоторые размышления о «русском мире» и «белорусской идее» // *Философия хозяйства* 2019. – № 1 (121). – С. 199-206.
2. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего // *Социологические исследования (СОЦИС)*. – 1996. – № 3. – С. 3-9.
3. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – 524 с.
4. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. – М.: Мысль, 2007. – 350 с.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция продолжается. Стратегия разрухи. – М.: ООО «Алгоритм-Издат», 2011. – 430 с.
6. Кара-Мурза С.Г. Российское обществоведение: становление, методология, кризис. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. – 480 с.
7. Лапин Н.И. Ценности населения экономических макрорегионов России по оси «открытость изменениям – сохранение» / Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общей редакцией А.В. Андреевской, и др. – М.: Akademia. – 2009. – С. 271-284.
8. Лебедева Н.М. Сообщение на круглом столе научного семинара в ГУ-ВШЭ под рук. Н. Тихоновой «Модернизация России: успехи, препятствия, перспективы (по материалам эмпирических исследований)». 29.10.09 / [Электронный ресурс]. URL:<https://new.hse.ru/sites/mbd/program.aspx>

9. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. – 2008. – № 1 (93). – С. 33-59.

10. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2017. – 424 с.

11. Селиванова З.К. О жизненных целях и профессиональных предпочтениях старших подростков // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 51-56.

12. Селиванова З.К. Национальная консолидация, патриотизм, традиционализм как ответ российского общества на вызовы времени // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 161-166.

13. Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Официальный сайт ИС РАН. – 2010. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=1736//>

14. Ясин Е. Модернизация и общество // Вопросы экономики. – 2007 – № 5. – С. 4-29. [Электронный ресурс]. URL:<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-5-4-29/>

© З.К. Селиванова, 2021

ГЛАВА IV.

УДК 327

НОВЫЕ МЕДИА И ГЛОБАЛЬНЫЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Полтавцева Ольга Николаевна

факультет политологии

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Аннотация: В данной статье исследуется роль новых медиа в современной политике. Ввиду кризиса пандемии Covid-19 экономическая, социальная и политическая сферы все больше перемещаются в интернет. Несмотря на все преимущества, новые медиа стали источником новых вызовов, а также оказали влияние на существующие глобальные угрозы. От нарастающей радикализации в онлайн-пространстве и новых войн, до возникновения ультраправого терроризма, «подросткового терроризма» и новых форм противостояния. В связи с чем, возникает необходимость совместной разработки контрмер путем объединения государств и технологических гигантов для формирования новой устойчивой стратегии. В качестве альтернативы регулированию интернет-пространства новых медиа рассматривается медиаграмотность.

Ключевые слова: глобальные угрозы, медиаграмотность, новые медиа, подростковый терроризм, политика, радикализация, ультраправый терроризм, новые войны, Covid-19.

NEW MEDIA AND MODERN THREATS

Poltavtseva O.N.

Faculty of Political Science

Lomonosov Moscow State University, Moscow

Abstract: This article aims to explain the new media's role in politics. Owing to the Covid-19 crisis our economic, social and politic lives moved in the internet. While new media has brought many benefits it also has introduced new pressing issues and exacerbated existing global threats. From growing online radicalization and new wars to violent far-right terrorism and teen terrorism, and new conflicts. The challenge is therefore to design countermeasures, beginning with a consolidation of states and tech giants, thus of the need for sustainable strategy. Media literacy is often cited as the alternative to the regulation of the new media digital world.

Key words: Covid-19, media literacy, new conflicts, new media, new wars, politics, radicalization, teen terrorism, violent far-right terrorism.

В 2020 году в новых медиа (в частности, в социальных сетях) насчитывалось 3,6 млрд активных пользователей и, по предварительным подсчетам, к 2025 году составит 4,41 млрд человек [14]. Экспоненциальный рост новых медиа в равной степени принес как ряд преимуществ, так и ряд недостатков, сопровождающих их использование.

Прежде всего рассмотрим основные характеристики новых медиа как новой категории политической науки.

Новые медиа:

- 1) являются новым форматом функционирования средств массовой информации в интернете;
- 2) обладают низким уровнем подконтрольности и высоким мобилизационным потенциалом;
- 3) технологичны и мультимедийны;
- 4) позволяют осуществлять оперативные публикации, в том числе с места событий;
- 5) способствуют распространению социумов по всему миру;
- 6) формируют общественное мнение;

7) способствуют решению глобальных проблем государствами сообща;

8) создаваемые людьми и порожденные новыми технологиями, никогда не обретут окончательной формы.

Новые медиа оказывают влияние, служат инструментами и конструируют следующие категории политической науки: внешняя политика, демократия, правительство, дипломатия, «мягкая сила», внешнеполитический имидж государства, имидж политика или политического лидера.

Появившиеся в эпоху постмодерна в информационном обществе, обладающие возможностями колоссального влияния на общественное мнение и возможностью конструировать новую реальность, новые медиа стали существовать в неразрывной связи с системой современных международных отношений. Во время пандемии Covid-19 новые медиа стали популярным и не менее эффективным инструментом дипломатической коммуникации. В период закрытия физических офисов различными представительствами, ведомствами и организациями были организованы онлайн-кампании по продвижению в новых медиа. Официальные мероприятия на государственном и международном уровне стали проходить в формате онлайн-конференций. Министерствами иностранных дел для помощи гражданам, вынужденным оставаться за рубежом в результате закрытия государственных границ, были организованы чат-боты.

Среди основных вызовов и угроз использования новых медиа в контексте современной внешней политики следует отметить рост дезинформации, возникновение новых форм терроризма, нарастание радикализации медиaprостранства, возникновение новых войн и новых форм противостояния. Произошел колоссальный скачок повсеместного использования новых медиа как государством, негосударственными акторами, так и обычными пользователями. С одной стороны, находятся государства, которые, в стремлении утвердить свой технологический суверенитет в интернете, выделяют финансирование на формирование правительственных

структур. С другой – находятся технологические гиганты, которые пытаются соблюсти определенный баланс, чтобы не стать инструментами борьбы тех или иных правительств. Кроме того, появляются новые формы онлайн-терроризма. Для того, чтобы ориентироваться в современном виртуальном пространстве новых медиа, противостоять дезинформации, контенту радикального характера, терроризму и др., пользователю необходимо обладать навыками медиаграмотности.

Современный мир находится в одной из самых опасных фаз развития. Это обусловлено резким увеличением количества войн, которые обретают новые формы [18]. Долгое время единственными акторами в международных отношениях являлись государства, которые взаимодействовали на уровне переговоров, чтобы принимать меры для урегулирования глобальных проблем. В условиях нарастающей угрозы войны на Корейском полуострове, «выше, чем в любой момент новейшей истории», надеждой на возможное разрешение и улучшения ситуации стал диалог между КНДР и Южной Кореей [21]. После продолжительных переговоров государствам удалось договориться. В результате общих договоренностей северокорейские спортсмены приняли участие в зимних Олимпийских играх в Пхенчхане. Профессор лондонской школы экономики Мэри Калдор определяет современные конфликты как «новые войны» [11]. При этом определение «войны» как «войны между государствами» в современном контексте глобализации становится анахронизмом. Вооруженные силы в «новой войне» являются лишь одним из ее компонентов, а сама война обретает комплексный характер. Отметим тот факт, что страны, где происходят подобного рода конфликты, становятся «недееспособными», в результате чего запускается процесс распада государства и его институтов.

Не менее важным является аспект смещения конфликта в область духовного пространства, ввиду того, что деятельность каждой террористической организации или группировки базируется на

идеологическом фундаменте. Используя новые информационные технологии, террористы получили возможность транслировать свои послания через платформы новых медиа, не нуждаясь в традиционных СМИ. Если в 1994 году в Руанде призывы к убийству тутси звучали на волнах подконтрольной хуту местной радиостанции, то сегодня наиболее популярным средством у террористов является интернет, а именно три популярные социальные сети: Facebook, YouTube (Google) и Twitter [24]. Запрещенная в России ИГИЛ регулярно публикует видеоролики о бомбежках и казнях. Их цель – сделать идеологию привлекательной и донести ее до большего количества людей. В условиях «новой войны» с помощью интернета террористы занимаются поэтапным привлечением и вербовкой новых рекрутов, превращая социальные медиа в поле битвы XXI века и применяя «информационное оружие» [2]. Таким образом, ИГИЛ стала «террористической организацией в социальных сетях», – убежден журналист Дэвид Патрикаракос [16].

Безусловно, общение в сети подразумевает столкновение мнений, давая возможность противостоять тем или иным высказываниям. Но учитывая то, что некоторые социальные сети вычисляют, а затем предлагают наиболее привлекательную информацию для каждого пользователя, возникает вопрос ограничения неприемлемого контента. По просьбе правительств такие гиганты, как Twitter, Facebook и YouTube, уже начали заниматься разработкой средств автоматизации для обнаружения файлов радикального, экстремистского характера. В принадлежащей Google компании Jigsaw рассматривают возможность переадресации в сети и подбора видео, которые предлагают ознакомиться с противоположной позицией [3]. Метод заключается в том, что программа перенаправляет человека после просмотра видеоролика, к примеру, террористической пропаганды на другой ролик – критикующий ИГИЛ.

Одной из основных проблем в борьбе с подобного рода пропагандой является тот факт, что видеоролик может оставаться в сети в течение

нескольких часов до тех пор, пока его не удалят. За это время террористическая организация успеет донести всю необходимую информацию до адресата. Поэтому одним из возможных решений в данной области может стать запрет на первоначальную публикацию контента. Так, организация Internet Watch Foundation (IWF) в Великобритании уже использует технологию для блокировки детской порнографии [20]. Ее суть состоит в том, что пользователь может пометать изображения оскорбительного характера, которые затем получают определенный код и хранятся в базе данных. Это позволяет отслеживать дальнейшие публикации изображений для последующей блокировки.

С точки зрения возникновения новых глобальных угроз, которые усугубляются новыми медиа, появляется принципиально новая форма кибертерроризма. Речь идет о набирающем обороты тревожном явлении в новых медиа, так называемом «подростковом терроризме социальных сетей». Группа экспертов из частной американской организации в сфере международных отношений «Совета по международным отношениям» (*Council on Foreign Relations (CFR)*) связывает усиление «подросткового терроризма» с «отсутствием сложного планирования при осуществлении террористических атак, специфика которых позволяет подросткам стать их участниками», а также с нарастающей радикализацией в интернете [15].

В феврале 2021 года в The Guardian вышел материал с упоминанием статистики, согласно которой «по меньшей мере 17 детей, некоторым из которых всего 14 лет, были арестованы по обвинению в терроризме за последние 18 месяцев» [22]. Самым молодым осужденным террористом оказался 15-летний молодой человек из г. Корнуолл, Великобритания, который начал изучать руководства по изготовлению бомб, собирать многочисленные материалы о терроризме и публиковать свои высказывания в новых медиа в период с октября 2018 по июль 2019 года. На тот момент ему было 13 лет.

Подростковый терроризм отличается принципиально новой структурой и подходом. Если раньше террориста в сети могли отследить по принадлежности к определенной террористической группировке, действующего по ее приказам, и выявить впоследствии различные элементы одной цепочки, то на сегодняшний день террорист в сети становится «одиноким волком». Он не обязательно принадлежит к какой-либо террористической организации или группировке и не подчиняется приказам. Так, на странице одной групп радикально настроенных подростков в Facebook, один из участников именовал себя «первым белым террористом-смертником» (ориг. first white suicide bomber) [22].

Количество проявлений данной формы экстремизма или «подросткового терроризма» в новых медиа во многом связано с пандемией Covid-19, периодом самоизоляции, домашнего обучения и одиночества молодых людей. Пытаясь ориентироваться в реалиях современной действительности, подростки приходят в виртуальное пространство и становятся уязвимыми с точки зрения распространения как идеологии «Исламского государства», так и ультраправых взглядов.

Следует отметить, что такие новые медиа, как YouTube, Facebook и Twitter, осуществляют блокировку пользователей, нарушающих политику соцсетей и распространяющих призывы к насилию. Однако в 2016 году появилось приложение для короткометражных видео TikTok, в которое мигрировали заблокированные пользователи из других новых медиа. Так, ультраправый сторонник теории заговоров Пол Джозеф Уотсон, редактор и участник сайта InfoWars, зарегистрировался в TikTok и продолжил свою активность после бана в YouTube, Facebook и Twitter [23]. Позже представители приложения TikTok пересмотрели принципы модерации контента и заявили следующее: «...контенту, продвигающему террористические организации, нет места в TikTok. При обнаружении мы навсегда запрещаем любые такие учетные записи и связанные с ними

устройства» [12]. Так, в октябре 2019 года платформа заблокировала около двадцати аккаунтов с публикациями террористического контента «Исламского государства», а также были удалены видео «с изображением трупов, боевиков, марширующих по улицам, женщин, называющих себя «гордыми джихадистками» [24]. Новое медиа TikTok стало самым популярным приложением в интернете, в 2018 году его скачали 800 млн пользователей по всему миру [26]. В 2019 году пользователи скачали и установили TikTok на свои смартфоны 2 млрд раз, а в 2021 году, согласно статистике DataReportal, в месяц платформу посещает 689 млн активных пользователей [6].

Согласно данным Антитеррористической полиции в Великобритании, террористы правого толка (rightwing terrorism) вдохновлены тремя различными идеологиями и настроены против ислама, против иммиграции и против правительства [9].

В октябре 2018 года Белый дом и Совет по национальной безопасности США представили обновленную Национальную стратегию по борьбе с терроризмом [13]. Это четвертая редакция документа, выпущенная после террористических атак 11 сентября 2001 года, в которой впервые упоминается «растущая угроза насильственного ультраправого экстремизма как в мире, так и внутри страны» [10]. Уместно также обратить внимание на то, что некоторые американские авторы отмечают отсутствие связи между новой формой ультраправого терроризма и идеологией ИГИЛ. Б. Хоффман утверждает, что происхождение термина «одинокий волк» берет свое начало от придуманной американским ветераном войны во Вьетнаме Луи Бимом стратегии «отдельных террористических актов» [10]. В конце 1980-х он высказался об операции ФБР по ликвидации группы сторонников белой расы Орден и сообщил о необходимости «действовать независимо друг от друга».

Таким образом, основными характеристиками нового «подросткового терроризма социальных сетей» являются две нарастающие тенденции:

- появление террористов, которые действуют в одиночку, – «одиноких волков»;
- нарастание радикализации в интернет-пространстве.

По мнению автора, для успешной борьбы с террористическим контентом и предотвращения радикализации риторики в новых медиа необходимо сформировать устойчивую стратегию, в рамках которой должны объединиться правительства и технологические компании. Рассмотрим один из примеров такого сотрудничества. Проект «Технологии против терроризма» (Tech Against Terrorism) был основан в 2007 году в соответствии с резолюцией 2354 (2017) Совета Безопасности ООН и Универсальными международными рамками борьбы с терроризмом Контртеррористического комитета ООН (S / 2017/375) [19] и осуществляет свою деятельность в партнерстве с «Глобальным интернет-форумом по борьбе с терроризмом» (Global Internet Forum to Counter Terrorism), созданным такими новыми медиа, как Facebook, Twitter, Google и Microsoft в мае 2017 года. Tech Against Terrorism обеспечивает возможность участия в построении диалога по предотвращению терроризма в интернете между правительством, технологическими гигантами и обществом.

В свою очередь, деятельность «Глобального интернет-форума по борьбе с терроризмом» базируется на трех основных столпах [8]:

- предотвращение (подразумевает оснащение цифровых платформ информацией формирования знаний и повышения осведомленности гражданского общества);
- ответ (объединяет заинтересованные стороны для того, чтобы «смягчить» последствия террористической атаки или насильственной экстремистской атаки);
- обучение (поддержка передовых практических исследований, которые находятся «на стыке экстремизма и технологий»).

С точки зрения поиска эффективных решений по противодействию новым формам терроризма в медиа следует обозначить еще одну немаловажную тенденцию – противостояние правительств и технологических гигантов.

Наиболее резонансной ситуацией стал инцидент, когда компания Apple отказалась предоставить доступ к заблокированному iPhone, принадлежащему террористу Саиду Фаруху. В декабре 2015 года он расстрелял вместе с женой 14 человек в г. Сан-Бернардино, США. Немногим позже Министерство юстиции отозвало иск к Apple о взломе смартфона, воспользовавшись помощью третьей стороны. В своем комментарии журналистам представитель Минюста США М. Ньюман сообщила, что Федеральное бюро расследований «изучает информацию из телефона в соответствии со стандартными процедурами» [4]. Ссылаясь на правительство, авторы материала отмечают, что метод разблокировки был разработан частным лицом. Гендиректор компании Apple Тим Кук назвал дело об iPhone Фаруха «опасным прецедентом, нарушающим основные конституционные права и свободы американских граждан» [1]. В свою очередь, Федеральное бюро расследований прокомментировало чрезвычайную важность зашифрованной информации для общественности. Этот инцидент стал одним из первых крупных скандалов между технологическими компаниями и правительством.

Другим примером беспрецедентного проявления власти технологических структур стала блокировка аккаунта в Twitter 45-го президента Америки Д. Трампа. Согласно официальной версии, опубликованной на странице в «Твиттере», причиной блокировки аккаунта стал «риск дальнейшего подстрекательства к насилию» [17]. Причиной стали протестные события, произошедшие в США 5 и 6 января. Сторонники Д. Трампа, устроили многотысячные акции и прорвались в здание Капитолия. Будучи несогласными с проигрышем Трампа на выборах, они ворвались в здание Конгресса и помешали законодателям утвердить победу Байдена на пост

президента Соединенных Штатов. Подавить протест удалось спустя несколько часов. Полиция сообщила о четырех погибших. 58 человек были ранены, более 60 – задержаны. Команда микроблогинга, объяснила, что после временной блокировки Д. Трамп вновь разместил твиты, которые нарушают политику «прославления насилия». В связи с этим пользователь @realDonaldTrump был «отстранен от обслуживания» в «Твиттере».

Таким образом, мы становимся свидетелями очевидного противостояния за виртуальное пространство в новых медиа между правительствами и технологическими гигантами. С одной стороны, находятся государства, которые, в стремлении утвердить свой технологический суверенитет в интернете, выделяют финансирование на формирование правительственных структур, отвечающих за информационную безопасность и разработку новых программы в области кибернетики. С другой – технологические гиганты, которые пытаются соблюсти определенный баланс, чтобы не стать инструментами борьбы тех или иных правительств.

Однако, часть ответственности остается за обычными пользователями. Речь идет о необходимости развития навыков, позволяющих ориентироваться в современном медиапространстве – «медиаграмотности». Медиаграмотность зачастую рассматривается в качестве альтернативы регулированию цифровой среды. Новая медиаграмотность заключается не только в возможности поиска информации в интернете, но и в необходимости анализировать поступающие данные. В отчете RAND Corporation упоминается, что результатом сложной «информационной экосистемы» становится «уменьшение значимости фактов, данных и осуществления анализа в политическом и гражданском дискурсе» [7]. В связи с возможностью постоянного доступа к информации в новых медиа, способных не только транслировать, но и конструировать реальность, стирается грань между фактами и вымыслом, правдой и неправдой, реальностью и виртуальным пространством современной политики. Для

того чтобы ориентироваться в мире, конструируемом новыми медиа, и противостоять потоку дезинформации или информации радикального характера, необходимо обладать набором навыков «медиаграмотности». Авторы убеждены, что формирование медиаграмотности происходит благодаря «обучению участников думать, не диктуя, что думать» [7]. Благодаря развитию навыков медиаграмотности, а именно с помощью трансформации способа получения, потребления, создания и распространения информации, можно противодействовать современным угрозам и вызовам новых медиа.

Общество продолжает приспосабливаться к новым условиям эпохи пост-Covid-19. Политики, дипломаты, международные организации и НПО адаптируются к ведению новой глобальной политики. В контексте исследования политической деятельности современных государств новые медиа могут представлять угрозы и вызовы современности. Среди некоторых из них следует отметить усиление радикализации медиапространства, возникновение и рост новых форм терроризма и др. Происходит возникновение новых форм противостояния, которое происходит в новых медиа. «Новые войны» обретают комплексный характер. Используя новые информационные технологии, террористы получили возможность транслировать свои послания через платформы новых медиа, не нуждаясь в традиционных СМИ. На «новой войне» террористами используется информационное оружие. Таким образом, ИГИЛ стала «террористической организацией в социальных сетях» [16]. При этом определение «войны» как «войны между государствами» в современном контексте глобализации становится анахронизмом. Для борьбы с террористическим контентом используются разного рода программы блокировки, такие как Jigsaw и др.

Глобальными угрозами становятся новые формы терроризма: ультраправый терроризм и «подростковый терроризм». Данные явления

усугубляются последствиями пандемии Covid-19, такими как, например, самоизоляция и одиночество молодых людей, а также нарастающей радикализацией интернет-пространства.

Усилия по обеспечению нового информационного пространства стали глобальным политическим приоритетом государств. Однако для успешной борьбы с террористическим контентом и предотвращения радикализации риторики в новых медиа необходимо сформировать устойчивую стратегию, в рамках которой правительства и технологические компании должны объединиться.

В условиях поиска решений по противодействию новым формам терроризма возникает противостояние правительств и технологических компаний. Целью становится борьба за влияние в интернет-пространстве новых медиа. Это требует от пользователя необходимости развития навыков медиаграмотности, позволяющих ориентироваться в современном виртуальном пространстве новых медиа для того, чтобы противостоять дезинформации, контенту радикального характера, терроризму и др. Представляется, что медиаграмотность можно рассматривать в качестве альтернативы регулированию цифровой среды.

Список литературы

1. Бондаренко М. Власти США отозвали иск к Apple о взломе iPhone [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/technology_and_media/29/03/2016/56f9ae1b9a7947faf788f875.
2. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. – М.: Изд. МИФИ, 2003. – 388 с.
3. An update on our commitment to fight terror content online. YouTube Official Blog [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtube.googleblog.com/2017/08/an-update-on-our-commitment-to-fight.html>.

4. Barret D. Wakabayashi D. FBI Opens San Bernardino Shooter's iPhone; U.S. Drops Demand on Apple [Электронный ресурс] // Wall Street Journal. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/fbi-unlocks-terrorists-iphone-without-apples-help-1459202353>.
5. Cook J. Far-Right Activists Are Taking Their Message To Gen Z On TikTok [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.huffpost.com/entry/far-right-tiktok-gen-z_n_5cb63040e4b082aab08da0d3.
6. Digital 2021 Global Overview Report [Электронный ресурс] // Data reportal. – Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>.
7. Exploring Media Literacy Education as a Tool for Mitigating Truth Decay [Электронный ресурс] // Rand Corporation. – Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3050.html.
8. Global Internet Forum to Counter Terrorism [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gifct.org/>.
9. Grierson J. Rise of the far right: a disturbing mix of hateful ideologies // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/sep/19/rise-of-the-far-right-a-disturbing-mix-of-hateful-ideologies>.
10. Hoffman B. Back to the Future: The Return of Violent Far-Right Terrorism in the age of lone wolves [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://warontherocks.com/2019/04/back-to-the-future-the-return-of-violent-far-right-terrorism-in-the-age-of-lone-wolves/>.
11. Kaldor M. New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era. – 3 ed. – Redwood City: CA, Stanford University Press, 2012.
12. Meisenzahl M. ISIS is reportedly using popular Gen Z app TikTok as its newest recruitment tool [Электронный ресурс] // Insider. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/isis-using-tiktok-to-target-teens-report-2019-10>.

13. National Strategy for Counterterrorism of the United States of America [Электронный ресурс]. – October 2018. – Режим доступа: <chrome-extension://oemmndcbldboiebfnladdacbfdmadadm/https://www.hsdl.org/?view&did=816990>.

14. Number of social media users worldwide from 2010 to 2021 (in billions) // Statista, Inc. Company Registration Information. – Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users/>.

15. Pandith F., Ware J. Teen terrorism inspired by social media is on the rise. Here's what we need to do [Электронный ресурс] // THINK // NBC News. – Режим доступа: <https://www.nbcnews.com/think/opinion/teen-terrorism-inspired-social-media-rise-here-s-what-we-ncna1261307>.

16. Patrikarakos D. War in 140 Characters: How Social Media Is Reshaping Conflict in the Twenty-First Century.

17. Permanent suspension of @realDonaldTrump [Электронный ресурс] // Twitter Inc. – Режим доступа: https://blog.twitter.com/en_us/topics/company/2020/suspension.html.

18. Pinker S. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined. – New York: Viking, 2011.

19. Project Background [Электронный ресурс] // Tech against terrorism. – Режим доступа: <https://www.techagainstterrorism.org/project-background/>

20. Silicon Valley Companies In A Joint Effort Against Child Pornography [Электронный ресурс] // Eyerys. – Режим доступа: <https://www.eyerys.com/articles/news/silicon-valley-companies-joint-effort-against-child-pornography>.

21. The risk of catastrophic war on the Korean peninsula is higher than at any time in recent history [Электронный ресурс] // International Crisis group. – Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/asia/north-east-asia/korean-peninsula/294-korean-peninsula-crisis-ii-fire-and-fury-freeze-freeze>.

22. Townsend M. How far right uses video games and tech to lure and radicalise teenage recruits // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/14/how-far-right-uses-video-games-tech-lure-radicalise-teenage-recruits-white-supremacists>.

23. Cook J. Far-Right Activists Are Taking Their Message To Gen Z On TikTok // The Guardian. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2021/feb/14/how-far-right-uses-video-games-tech-lure-radicalise-teenage-recruits-white-supremacists>

24. Wells G. Islamic State Turns to Teen-Friendly TikTok, Adorning Posts With Pink Hearts [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/islamic-state-turns-to-teen-friendly-tiktok-adorning-posts-with-pink-hearts-11571680389?mod=e2tw>.

25. Yanagizawa-Drott. Propaganda and conflict: Evidence from the Rwandan genocide // Quarterly Journal of Economics. – Vol. 129. – Iss. 4 – P. 1947–1994.

26. Yurieff K. TikTok is the latest social network sensation [Электронный ресурс] // CNN. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/11/21/tech/tiktok-app/index.html>.

© О.Н. Полтавцева, 2021

ГЛАВА V.

УДК 34.096

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВАЖНЕЙШИХ НАПРАВЛЕНИЙ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ САНИТАРНО- ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Печникова Ольга Глебовна

докт. юр. н., доцент,

профессор кафедры теории и истории государства и права

ФБОУ ВО РГУ нефти и газа

(национальный исследовательский университет)

имени И.М. Губкина

Аннотация: Системный анализ генезиса и эволюции процесса государственно-правового регулирования вопросов санитарно-эпидемиологического благополучия населения России построен на рассмотрении правовых и иных источников. В данном контексте, автор произвел углубленную оценку исторических событий и нормативных актов, обобщивших правовой опыт, научные и медицинские достижения. Логическое формулирование и обоснование самостоятельных выводов опирается на концепцию целостного восприятия развития общества, государства и права. На этом конструктивном подходе, строится авторское утверждение о необходимости дальнейшего усовершенствования вопросов нормативного регулирования санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации. Рекомендованный вектор, по мнению автора, позволяет закрепить приоритеты в системном законодательстве, направленном на реализацию наиболее важных государственных задач не

только на ранних этапах развития российского общества и государства, но и в современных реалиях; когда, нередко, стратегически значимым и жизненно необходимым, становится использование современных медицинских и иных научных знаний и достижений в сочетании с историко-правовым опытом и качественной оценкой фундаментальных вех эволюционного движения мирового прогресса.

Ключевые слова: право на охрану здоровья; нормативное регулирование санитарно-эпидемиологического благополучия в России; история правового закрепления медицинского права; правовые нормы Петра I, Екатерины II, Павла I; современные законы по санитарии и эпидемиологии в Российской Федерации.

**ANALYTICAL ASSESSMENT OF THE MOST IMPORTANT AREAS
NORMATIVE REGULATION OF SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL
WELL-BEING OF THE POPULATION OF RUSSIA IN HISTORY
AND MODERN TIMES**

Pechnikova O.G.

Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Department of Theory and History of State and Law
of the Federal Security Service of the Russian State University
of Oil and Gas (National Research University)
named after I.M. Gubkin

Abstract: A systematic analysis of the genesis and evolution of the process of state and legal regulation of issues of sanitary and epidemiological well-being of the population of Russia is based on the consideration of legal and other sources. In this context, the author made an in-depth assessment of historical events and regulations that summarized legal experience, scientific and medical achievements. The logical formulation and substantiation of independent conclusions is based on the concept

of a holistic perception of the development of society, state and law. On this constructive approach, the author's statement is based on the need to further improve the issues of normative regulation of the sanitary and epidemiological well-being of the population in the Russian Federation. The recommended vector, according to the author, makes it possible to consolidate the priorities in systemic lawmaking aimed at the implementation of the most important state tasks not only at the early stages of the development of Russian society and the state, but also in modern realities; when, often strategically significant and vital, the use of modern medical and other scientific knowledge and achievements in combination with historical and legal experience and a qualitative assessment of the fundamental milestones of the evolutionary movement of world progress becomes.

Abstract: The right to health care; normative regulation of sanitary and epidemiological welfare in Russia; history of legal consolidation of medical law; legal norms of Peter I, Catherine II, Paul I; modern laws on sanitation and epidemiology in the Russian Federation.

Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, как конституционно закрепленное благо и ценность, имеет особую актуальность в современных реалиях, связанных с пандемией, касается каждого и отражает планомерную заботу государства о гражданах. Включение данных вопросов в формулировку ст. 41 Конституции РФ подчеркивает понимание законодателем важности мер в области санитарии и гигиены, противоэпидемической и профилактической направленности, необходимость их вынесения в число составляющих, в целом, определяющих вектор государственного развития и правового регулирования на внутригосударственном уровне и в международном взаимодействии.

Систематически, широко и на достаточно высоком уровне обсуждаются, принимаются и реализуются федеральные программы, отражающие пристальное внимание руководства страны к государственной,

муниципальной и частной системам здравоохранения, где среди вопросов финансирования, строительства и ввода в эксплуатацию специализированных медицинских учреждений, разработки новых лекарств и вакцин, средств, необходимых для восстановления здоровья и реабилитации, затрагиваются также темы экологии, безопасного проживания населения и профилактики [1].

Необходимость проведения вакцинации населения, как одно из основных средств профилактики возникновения опасных инфекций, вызывающих, порой, катастрофические последствия, была осознана и стала приобретать государственное значение, еще в период существования Российской империи. Общественную известность имел исторический факт, связанный с датой – 12 октября 1768 г., когда Екатерина II сделала себе и своему сыну прививку от оспы. Позднее, 30 марта 1770 г. стало законом «Краткое и ясное наставление, каким образом содержать больного, как в натуральной, так и в прививной оспе по методу господина барона Димсдаля», где текст представлял собой рекомендации по диагностике, лечению, уходу за больными и оспопрививанию [2].

Вышеназванные события способствовали тому, что 14 мая 1772 г. вышел Сенатский указ «О поднесении 12 золотых медалей ея императорскому величеству, по случаю исцеления от прививания оспы» [3], согласно которому, от Правительствующего сената «ея императорскому величеству» на серебряном блюде были поднесены «12 золотых медалей со изображением, на одной стороне грудного ея ... портрета, а на другой храма исцеления, пред которым лежит поверженная гидра; из храма исходит ея императорское величество, и с собою ведет его высочество, исцелившись от прививания оспы, а навстречу им идет обрадованная Россия со младенцами, с такою надписью: «собою подала пример»; а внизу: «1768 год октября 12 число», означающее день привития оспы».

Екатерина II и в дальнейшем продолжала выступать пропагандистом этой прививки, что подтвердил «Именной, данный правящему должность

финляндского генерал-губернатора принцу Виртемберг-Штудгардскому указ от 6 декабря 1782 г. «О введении прививания оспы в Выборгской губернии»» [4]. В нем говорилось о пользе вакцинации, препятствующей развитию катастрофических последствий эпидемии, в частности, отмечалось, что «к отвращению всех тех бедствий, кои сия болезнь, когда она бывает натуральная, с собою приносит, введено было в общенародное применение оспопрививание». В материалах архива имеется заключение о практических разработках в сфере профессиональной деятельности чиновников Медицинской коллегии с названием «О коровьей оспе, вводимой в употребление в разных местах Российской империи» от 7 октября 1802 г. [5]

Следующим законом, ратующим за оспопрививание, на наш взгляд, следует назвать Именной указ Павла I, данный Киевскому, Черниговскому и Новгородско-Северскому генерал-губернатору графу Румянцеву-Задунайскому от 29 апреля 1787 г. «О заведении прививания оспы в Малороссийских губерниях» [6]. В этом же году, после выхода Доклада Медицинской коллегии, «Об учреждении Медицинских управ» от 19 января 1787 г. [7], – были основаны новые органы управления охраной «народного здоровья», в числе функциональных обязанностей осуществлявшие контроль за санитарно-эпидемиологическим благополучием населения с учетом научных достижений и медицинских возможностей того времени.

В дальнейшем, профилактические меры, включающие вакцинацию от разного рода опасных инфекций и иные меры противоэпидемической направленности, вошли в полномочия иных министерств и ведомств, что может стать предметом отдельного рассмотрения. Говоря о профилактических прививках, следует лишь добавить, что, к моменту данной публикации, опыт нормативного регулирования ее организации и практического осуществления в России, насчитывает уже более, чем, 250 лет.

Еще более долгое время, более 300 лет прошло со времени основания первого отечественного госпиталя. Нормативный акт о возведении первого

государственного лечебного учреждения, не сохранившийся до нашего времени, был подписан Петром I 25 мая 1706 г. В нем говорилось: построить «гофшпиталь», которому быть «за Яузою рекою, против немецкой слободы, в пристойном месте для лечения болящих людей». В «пристойном месте» располагались питейные заведения (за счет производимого налогообложения с них, частично покрывались расходы на лечение[8]); оно слыло свободными нравами, что, по-нашему мнению, влияло на то, что местные обитатели реже других жителей города задумывались о возможной опасности, исходящей от соседства с больными людьми и возможности эпидемии. Беспечному восприятию подобного соседства окружающим населением, способствовало также отсутствие знаний о влиянии бактериального или вирусного агента на возникновение и распространение заболеваний.

Во всех слоях общества, зачастую отсутствовала элементарная санитарная грамотность, как не было и организации систематической пропаганды и обучения населения этим крайне необходимым правилам. Потребность обращения внимания законодателя на данное направление государственной деятельности, формировалась постепенно, в результате обретения опыта, в случаях прибытия представителей российского флота в очаг эпидемии, достаточно часто возникавших в сопредельных государствах.

В связи с этим, при Петре I, нормативно определилась должность профоса – она являлась одной из первых, в отношении которой, нормативно закреплялись полномочия по организации санитарно-гигиенических, противоэпидемических мероприятий на военном корабле. Нормативный акт, определяющий его функциональные обязанности, назывался «Регламент о Управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского от 5 апреля 1722 г. [9] (в составе которого присутствовал «Регламент о госпиталях, и о должностях определенных, при них комиссаров, докторов, писарей и прочих»).

Последний нормативный документ, в свою очередь, сыграл значительную роль уже через 13 лет в создании следующего «Генерального Регламента, – о

госпиталях» [10], регламентирующего организацию и деятельность государственных медицинских учреждений. Основным отличием более позднего нормативно-правового акта, можно назвать то, что он являлся первым самостоятельным крупномасштабным документом медицинской регламентации XVIII в. и содержал положения, необходимые для обеспечения охраны здоровья военных, как основного контингента, согласно п. 12 гл. 1: «понеже военным служителям ... инаго госпиталя не имеется».

«Генеральный Регламент о госпиталях», впервые ввел главу с названием – «О строении госпиталя». Ей предусматривались санитарно-гигиенические нормы застройки объекта специального предназначения, предусмотренного для диагностики, лечения и восстановления здоровья больных; она состояла из 10 пунктов (тогда как Регламент 1722 г. – вообще не имел подобной главы).

В первую очередь, определялось место, под строительство указанного объекта: «начальственное на то смотреть надлежит, чтоб она на здоровом и отчасти высоком положении места при реке и на плодородной земле построена была». Такое расположение зданий, по нашему мнению, способствовало наилучшей вентиляции помещений. «Плодородные земли» нужны были для разведения огородных культур и лекарственных растений[11].

Научные знания еще не имели доказательств роли инфекционного или бактериального агента в качестве основных источников заражения; вместе с тем, недостаток медицинских кадров и экономические проблемы долгое время влияли на отсутствие значительного числа постоянно действующих государственных специализированных больниц инфекционного профиля.

Справедливо отметить, что к древним временам восходит эмпирическое понимание влияния ограничительных мер на разрастание эпидемий и число катастрофических последствий, в частности, недопущение контакта больных и здоровых, запрет перемещения из очага и прочее – все это включалось в порядок организации карантинных мероприятий, осуществляемых силами военных. Волнообразность заболеваемости, зависимость от урожая и другие факторы,

стали причиной того, что противоэпидемические меры не определялись законодателем как системные, постоянные в каждом регионе и требующие развития сети специализированных и постоянно действующих больниц инфекционного профиля.

В большинстве случаев, в очаг инфекционного заболевания командировался медик с лекарствами. Например, в архивных материалах Медицинской канцелярии, сохранились данные о том, что в качестве «студииоза для обучения латинского языка», 1 ноября 1738 г. заступил на службу в Санкт-Петербургский Сухопутный госпиталь копенгагенский студент по фамилии Цумп [12]. Безупречное выполнение им своих обязанностей [13], послужило тому, что 31 декабря 1738 г. его повысили в должности, «определив его при Санкт-Петербургской Сухопутной госпитали младшим доктором» [14]; а 29 сентября 1739 г., в звании доктора, он был командирован в Олонецк вместе с лекарствами [15].

В местах дислокации войск – медицинская помощь оказывалась во временно организованных учреждениях. К примеру, согласно «Положениям для временных военных госпиталей при большой действующей армии», вошедшего в Высочайше утвержденное учреждение Военного Министерства от 27 января 1812 г. [16], – подвижные госпитали устраивались «по назначению главнокомандующего» для лечения больных и раненых во время движения армии, следовали за ней, образуя несколько линий и предназначались для определенных корпусов.

Для оказания первой помощи раненым на месте сражения и перевозки их в подвижные госпитали, образовывались развозные госпитали. Больные венерическими болезнями, чесоткой и прочими «прилипчивыми болезнями» не лечились в подвижных госпиталях, во избежание распространения заболеваний, а направлялись в главные временные. При большом числе больных и раненых, полагалось использовать местные больницы гражданского ведомства «под надзором военной армейской полиции и на

попечении медицинского ... ведомства». Подвижные госпитали могли перемещаться, для оказания необходимой медицинской помощи в местах наиболее ожесточенных сражений «по первому приказу».

Подвижные госпитали размещали в «казенных, общественных или обывательских строениях, а при их отсутствии – в палатках, шалашах или землянках, в сухих местах, где находилось от 10 до 30 человек раненых и больных так, чтобы расстояние между кроватями было не менее 70 см. В каждом главном и подвижном госпитале на 2 линии имелись отдельные палаты: 1) для выздоравливающих; 2) запасная; 3) для «пораженных антоновым огнем»; 4) для «одержимых прилипчивыми болезнями». Дополнительно нужно отметить, что в госпитале имелись и так называемые «особенные заведения». Они были представлены «заведениями для одержимых прилипчивыми и венерическими болезнями».

Итак, развивающаяся с 1707 г. сеть госпиталей, обеспечивала централизованное лечение военных, а вновь создаваемые государственные лечебные учреждения, организовывались по тем же основным принципам. Гражданское население стало иметь все большую возможность получать достаточно квалифицированную для своего времени медицинскую помощь, в том числе, и лица, имеющие инфекционные заболевания.

Негативный опыт, связанный с недооценкой опасности возникновения эпидемии, во время правление Екатерины II, послужил причиной принятия решения об организации специализированной больницы, предназначенной для лечения больных инфекционного профиля, что произошло благодаря Именному, данному Санкт-Петербургскому обер-полицеймейстеру Лопухину от 18 мая 1782 г. «Об открытии больницы для прилипчивых болезней» [17].

Этот закон, в свою очередь, стал началом практического осуществления планов по их строительству в других городах. Возвращение к противоэпидемическим мероприятиям во вновь издаваемых законах, демонстрировало их неизменную актуальность для нашего государства.

Мы уже упомянули ранее о должности профоса на военных кораблях, нормативно утвержденной Петром I. Профос являлся одним из первых штатных военных сотрудников, имевших основные нормативно закреплённые функциональные обязанности по организации санитарно-гигиенических, противоэпидемических мероприятий в условиях крайне ограниченного пространства на военном корабле и значительной возможности контакта с источником заражения при прибытии в очаг инфекции. Данное должностное лицо, во исполнение положений «Регламента о Управлении Адмиралтейства и верфи и части второй Регламента Морского» от 5 апреля 1722 г. [18], кроме прочего, также осуществляло применение телесных наказаний в качестве устрашающих мер за невыполнение предусмотренных мер. Еще более жесткие санкции, вплоть до смертной казни, предусматривались за несоблюдение нормативно утвержденных карантинных предписаний в условиях массовых эпидемий, что мы подробнее рассмотрим далее.

Проводя историко-правовые параллели, следует также отметить еще один важнейший вопрос нормативного регулирования, вошедший в формулировку современного российского закона. Так в ст. 2 гл. 2 Федерального закона от 21.11. 2011 № 323-ФЗ (ред. от 30. 04. 2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение государственных гарантий, связанных с этими правами, признается одним из главных принципов охраны здоровья [19]. При этом согласно ст. 98 гл. 13 того же закона, ответственность за обеспечение реализации гарантий, соблюдение прав и свобод в сфере охраны здоровья, нормативно регламентированную в Российской Федерации, возлагается на органы государственной власти и органы местного самоуправления и должностные лица. О последних, упоминается и в ст. 41 Конституции РФ, где, в частности, указывается, что сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом [1].

Пристальное внимание государства, обращенное в сторону разработки, усовершенствования и неукоснительного соблюдения санитарно-противоэпидемических мероприятий, связано, вместе с тем, и с печальными страницами нашей истории, отразившими катастрофические людские потери от опустошающих эпидемий, к примеру, связанными с эпидемией конца XVIII века [20]. Правовые нормы формировались и оттачивали свои формулировки постепенно, обобщая многовековой опыт борьбы с болезнями и их распространением [21].

Мы уже упомянули о том, что, жесткие и, порой, жестокие санкции могли грозить нарушителю предписанных ограничительных санитарно-противоэпидемических мер, согласно правилам Высочайше утвержденного «Устава о карантинах» от 21 августа 1818 г. [22]. Все следственные действия по «карантинным преступлениям» проводились карантинной конторой, а на заставе – управляющим конторой. Преступник, в любом случае, находился в карантинной конторе. В случае необходимости назначения смертной казни, материалы направлялись в Уголовную палату губернии, где рассматривались в первую очередь. Остальные решения (штраф, «задержание на хлебе и воде», телесные наказания) – нуждались в утверждении губернатора или «гражданского начальника».

Учитывая трагические последствия от несоблюдения карантинных мер, смертная казнь назначалась: 1) нарушившим присягу и лжесвидетельствовавшим о состоянии здоровья «прибывших с ним людей на судне или сухим путем»; 2) уличенным в подделке документа, используемого для сокращения или отмены карантина; 3) самовольно покинувшим судно или карантинный дом с любым намерением; 4) оказавшим сопротивление карантинной службе; 5) совершившим попытку побега «от надзора караульного начальства» (в последнем случае «дозволялось убивать его до смерти всякому карантинному чиновнику, караульной страже и даже обывателю»); 6) при подтверждении факта выноса, передачи и прочих вещей,

из внутренней части карантина, проникновения на корабль, проходящего дезинфекцию; 7) в отношении карантинной стражи и других лиц, при тайной выгрузке, а также провозе товаров, минующих карантин. Товар, задержанный карантинным чиновником при попытке провоза мимо карантина, после дезинфекции, отдавался «в награждение», причем, если такое случалось более 5 раз, он получал «особенное от Правительства награждение».

Денежные штрафы грозили за умышленное касание вещей или людей, находящихся в карантинном доме. В качестве наказания использовалось содержание под стражей «на хлебе и воде» от 2 до 5 недель, далее шло увольнение со службы с запретом занимать любые должности. В отношении «нижних карантинных служителей», применялись телесные наказания: «в первый раз – 50 ударов, во второй – 100 и т.д.», а «нижние военные служители» наказывались шпицрутенами. При пятикратных нарушениях в течение года – виновных «отсылали на год на публичную работу». Для выполнения наиболее опасных работ применялся труд осужденных за преступления. За «упущения» их наказывали в первый раз – 25 ударами плетьюми, во второй – 75 и т.д. Если более пяти нарушений в течение навигационного периода – после телесных наказаний, их отсылали на рудники в Сибирь. Лица, донесшие о преступлении, освобождались от наказания и штрафа [23].

Выше названные правила для кораблей Военного ведомства в дальнейшем утверждались Сенатским указом, по Высочайше утвержденным Положениям Комитета Министров «Об особых карантинных правилах для военных судов» [24] от 7 мая 1823 г. и «О мерах, принятых к прекращению появившейся в Астрахани болезни Cholera Morbus» [25] от 6 октября 1823 г.

Около двух веков прошло с того времени, за это время общество обрело значительный опыт, знания, революционные научные достижения, разработало нормативные основы правового регулирования государственного развития. В связи с этим, необходимо отметить также тенденцию смягчения наказаний

в отношении преступивших закон, в частности, связанную с мораторием на смертную казнь и демократическими преобразованиями в обществе.

Тем ни менее, ст. 236 УК РФ от 13.06.1996 г. (в ред. от 08.04.2021) предусматривает санкции за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до одного года. А то же деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека, – наказывается обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок [26].

Кроме санкций, законодатель в другом Федеральном законе, изданном после 1996 г., обращается к иному ракурсу, представляющему несомненный интерес, тем самым, демонстрируя, что современное видение предмета нормативного регулирования является многогранным.

Так, особый концептуальный подход к разработке нормативной регламентации прослеживается в Федеральном законе от 30.03.1999 N 52-ФЗ (в ред. от 13.07.2020) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», направленном на обеспечение одного из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду.

В нем, в частности раскрываются такие основные категории, как санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, среда обитания

человека и ее факторы, вредное воздействие на человека, благоприятные условия жизнедеятельности человека, безопасные условия для человека, санитарно-эпидемиологическая обстановка, гигиенический норматив, санитарно-эпидемиологические требования и др.

По нашему мнению, данный подход позволяет конкретизировать государственные задачи и существенно облегчить правоприменение, предоставляя возможность практическому использованию закона повлиять на качественную оценку адекватности нормативного регулирования, позволяющему отмечать и усиливать его положительные стороны, выявлять и устранять недостатки. На наш взгляд, в плане улучшения применения его основных положений, существенную помощь может оказать реализация возможности включения в него бланкетных норм.

Современные реалии требуют дальнейшего усовершенствования нормативного регулирования вопросов санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации, жизненно важного на всех этапах развития общества и государства и планомерно использующего современные научные знания и медицинские достижения в сочетании с историко-правовым опытом и качественной оценкой фундаментальных вех эволюционного движения мирового прогресса.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 04.07.2020).
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XIX. СПб., 1830. № 13445.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIX. СПб., 1830. № 13801.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15607.
5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 344. Оп. 3. Кн. 1. Д. 4.
6. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. СПб., 1830. № 16533.

7. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIV. СПб., 1830. № 17743.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IV. СПб., 1830. № 2074.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3937.
10. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IX. СПб., 1830. № 6852.
11. РГАДА. Ф. 346. Оп. 2. Кн. 52. Д. 332.
12. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 19. Д. 521.
13. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1: Кн. 19. Д. 537; Кн. 31. Д. 475.
14. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 28. Д. 302.
15. РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 31. Д. 491.
16. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXII. СПб., 1830. № 24971.
17. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXI. СПб., 1830. № 15399.
18. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. СПб., 1830. № 3937.
19. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21.11.2011 (ред. от 30. 04. 2021).
20. Печникова О.Г. Становление российского санитарного законодательства // Памятники права в период правления Павла I. Т. VII. // Учебно-научное пособие под ред. д.юр. наук проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 441 – 449.
21. Печникова О.Г. Государственно-правовое регулирование охраны «народного здравия» в России XVI – начала XIX в.: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. – 496 с.
22. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXV. СПб., 1830. № 27490.
23. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29452.
24. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXVIII. СПб., 1830. № 29623.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (в ред. от 17.04 2017).
26. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ (в ред. от 13.07.2020).

ГЛАВА VI.

УДК 614.2(075.8)

НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КАК МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОБЛЕМА: СИСТЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Ушаков Евгений Владимирович

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российская Академия Народного Хозяйства

и Государственной Службы при Президенте

Российской Федерации»

(Северо-Западный институт управления)

Аннотация: Субоптимальное качество медицинской помощи остается фундаментальной проблемой для всех служб здравоохранения в мире. Медицинские системы становятся все более сложными, следствием этого становится недостаточная прозрачность их деятельности. Современные методы управления медицинским качеством важны, но недостаточны. Требуется интеграция технических подходов управления медицинским качеством с гуманитарными, морально-ориентированными подходами.

Ключевые слова: социология медицины, клиническая медицина, медицинская помощь, качество медицинской помощи, ятрогении, медицинская практика.

UNSATISFACTORY QUALITY OF HEALTH CARE AS AN INTERNATIONAL PROBLEM: SYSTEMIC ASPECTS

Ushakov Evgeniy Vladimirovich

Abstract: Suboptimal quality of care remains a fundamental problem for all health services in the world. Medical systems are becoming more complex, resulting in a lack of transparency in their activities. Current medical quality management practices are important but insufficient. Integration of technical approaches to medical quality management with humanitarian, moral-oriented approaches is required.

Key words: sociology of medicine, clinical medicine, medical care, quality of medical care, iatrogenies, medical practice

Качество медицинской помощи является постоянной целью всех систем здравоохранения в мире. Однако множество противоречий наблюдается на пути к этой цели. Огромные средства тратятся сегодня на продвижение биомедицинской науки и индустрии к фундаментальному пониманию биологии человека и к созданию революционно новых медицинских технологий. При этом существенные трудности сохраняются в области гораздо более прозаической, рутинной деятельности медицины – в сфере непосредственной помощи больным людям.

Качество предоставляемой медицинской помощи практически повсеместно оставляет желать лучшего, что показывают многочисленные официальные отчеты и обзоры [1], [2], [3], [4].

В последние десятилетия XX века качество медицинской помощи стало настолько интенсивно разрабатываемым понятием, что в определенном смысле можно говорить о становлении отдельной парадигмы в современной медицине – парадигмы качества.

Дискуссии о проблемах современной медицины в терминах качества – не что иное, как отражение процесса индустриализации базисной идеи медицинской помощи. Аналогично другим секторам экономики, предоставляющим товары и услуги, медицинскую помощь сегодня тоже характеризуют через «качество» производимой ею продукции.

В конечном счете деятельность медицины должна результировать в качество ее выходного «изделия». Становление парадигмы качества является следствием беспрецедентного усложнения медицинской сферы, превращения ее в обширную индустрию, вбирающую в себя массу организаций, технологий, рабочей силы, информации, финансов и т.п.

Парадигма качества развивалась постепенно с 60-х гг XX века. В ранний период достижение качественной медицинской помощи рассматривалось как доступность помощи для наиболее уязвимых групп населения. В 80-е годы появляется такое понятие, как обеспечение качества (quality assurance). Здесь огромную роль (в первую очередь в США) сыграли работы американского исследователя А. Донабедиана.

С 90-х годов наступает новая (современная) фаза развития парадигмы качества, для которой характерно интенсивное заимствование медицинской сферой идей, которые развивались в русле общей управленческой науки.

Например, с 90-х годов в здравоохранении стали активно использоваться такие понятия, как всеобщее управление качеством (TQM) и непрерывное улучшение качества (CQI), цикл Деминга, статистический контроль процесса (SPC) и контрольные карты, концепция «шести сигм» (six sigma), бережливое мышление, кружки качества, планирование качества и т.д.

Отличительной чертой современных подходов к качеству является то, что они используют системный взгляд на проблемы и процессы медицинской помощи. При всем обилии предлагаемых методов и инструментов, парадигма качества исходит из той предпосылки, что медицинская помощь осуществляется в организационных условиях, и поэтому качество выходного продукта является результатом работы всей системы.

Если вернуться к базисным понятиям парадигмы медицинского качества, то основной концептуальный каркас этой системы взглядов был развит в работах А. Донабедиана, которые сегодня рассматриваются как классические [5], [6]. Нужно отметить, что свои идеи Донабедиан выдвинул еще в 60-е годы

XX века, однако широкую известность они приобрели лишь пару десятилетий позже.

Знаменитая «триада Донабедиана» определяет три основных подхода к оценке и измерению медицинского качества: *структура, процесс, исходы*.

Эта концептуальная схема отражает следующие ключевые моменты медицинской помощи.

1. Наличие заранее спланированной *структуры*, предназначенной для предоставления медицинской помощи.

2. *Процесс* оказания медицинской помощи, происходящий между структурой и потребителем (пациентом).

3. *Исходы*, которые являются продуктом *процесса* (базирующегося на потенциале *структуры*).

В этой концептуальной схеме под структурой понимается совокупность ресурсов, необходимых для выполнения задач здравоохранения и медицинской помощи (персонал, оборудование, медикаменты и т.п.). Оценка структуры означает изучение того, какова степень готовности системы к оказанию медицинской помощи.

Процесс – это совокупность действий, выполняемых поставщиком медицинской помощи по отношению к потребителю. Процесс включает в себя конкретные составляющие медицинской практики: мероприятия по приему больного, его диагностике, лечению, уходу, реабилитации и т.п. Оценка процесса означает изучение того, насколько совершенно функционировала система в своих исполнениях в ходе оказания помощи пациенту.

Наконец, под исходами понимается совокупность результатов, наступивших для потребителя (индивидуального пациента, популяции) в связи с получением медицинской помощи. Оценка клинических исходов – это измерение того, какими объективными результатами (выздоровление, существенное улучшение, осложнения и т.п.) завершился процесс оказания медицинской помощи.

Наиболее традиционные оценки исходов в общественном здравоохранении имеют популяционно-ориентированный характер. Они базируются на эпидемиологических показателях (смертность, выживаемость, заболеваемость и др.).

Кроме того, важно и то, как сам пациент оценивает результаты лечения. В настоящее время все шире распространяются так называемые пациент-центрированные оценки исходов. Здесь используются такие понятия, как качество жизни, связанное с лечением, степень удовлетворенности пациента помощью и т.п.

В целом выбор и применение оценок исхода зависит от того, что ожидалось, и какие выдвигались цели в связи с данным видом медицинской помощи.

Таким образом, модель А. Донабедиана представляет собой концептуализацию основных аспектов, из которых складывается общее качество работы медицинских систем, объединяя базисные ресурсы, процессуальные характеристики и измеряемые исходы помощи.

При этом схема А. Донабедиана отражает принципиальную неопределенность медицинских вмешательств и связанную с ней сложность оценки врачебной деятельности: ресурсы и процессы не ведут прямо и прозрачно к положительным исходам. Поэтому вначале приходится вначале заниматься подготовкой *структуры* помощи, отдельно следить за *процессуальным* совершенством исполнений, а затем оценивать на основе изучения *исходов*, насколько весь этот комплекс ресурсов и процессов оказался успешным в отношении улучшения состояния здоровья пациента.

Насколько непрозрачны внутренние взаимосвязи между структурой, процессом и результатом, прекрасно иллюстрирует специфика работы медицинской экспертизы. Трудности установления причинно-следственных связей между конкретной врачебной (сестринской и т.п.) деятельностью и исходами общеизвестны.

Новейшие подходы к управлению качеством, широко заимствующие индустриальные методы менеджмента, расширяют системное видение процессов медицинской помощи. Так, концепция TQM (всеобщее управление качеством) и родственные ей теории качества исходят из того, что управление качеством есть непрерывная и тотальная деятельность, вовлекающая в единый процесс постоянного улучшения качества всю организацию.

Полное управление качеством предполагает планирование качества как важнейшую организационную цель, развитие полноценного лидерства, фокусирование организации на нуждах потребителя, введение специальных систем измерения, которые позволяют количественно оценивать работу медицинской системы, эффективное управление информацией, принятие решений на основе фактических данных («менеджмент по факту»), привлечение всего персонала к преследованию качества [7].

Благодаря философии TQM сегодня широко принято, что качество медицинской помощи рождается в сложном и обширном контексте взаимодействий множества факторов различной природы. Качество является динамической характеристикой и подлежит постоянному совершенствованию. Известный американский специалист по проблемам медицинского качества Д. Бервик (под руководством которого в конце 80-х годов XX века был успешно осуществлен первый проект по применению методов современного менеджмента качества для улучшения госпитальной помощи) назвал непрерывное улучшение качества идеалом для сферы здравоохранения [8].

Задачи достижения качества охватывают широкий круг тем, включающий клинические, технологические, организационные, информационные, этические и другие вопросы. Следует отметить, что специальных исследований, изучающих возможности приложения продвинутых технических и управленческих средств (таких, как теория массового обслуживания, теория очередей, статистический контроль процесса и другие) к менеджменту медицинского качества, пока не так много, так как

эти приложения в значительной степени еще находятся в стадии формирования.

Принципиальным свойством концепций улучшения качества можно назвать то, что они предполагают надындивидуальный взгляд на проблемы качества. Они концентрируются на общей организации рабочих процессов, а не на личной работе клиницистов.

Вместо того, чтобы требовать от профессионалов, чтобы те просто «лучше выполняли свою работу», что означает более традиционную трактовку медицинской помощи как совокупности индивидуальных процессов, современное управление качеством фокусируется на работе всей системы, в которой индивидуальные исполнения являются лишь одним из элементов, зависящим от множества других компонентов. Это означает отход от устаревшего в современных индустриальных условиях клиницист-центрированного взгляда (имеющего многовековую традицию), согласно которому собственно искусство врача и определяет исход лечения.

Признавая важную роль клиницистов, концепции качества, тем не менее, отталкиваются от того, что клиницисты являются частью общей организации, в которую они должны быть эффективно включены. Помимо их индивидуального мастерства, качество зависит еще от ряда других компонентов, которые должны быть рационально согласованы.

В частности, это такие компоненты, как местная организационная культура, внутренняя нормативная политика учреждения, эргономические условия для работы и дизайн рабочих мест, технологии управления информацией, коммуникативные процессы, поступление в организацию новых знаний и эффективных технологий и способность организации их осваивать, взаимодействие между различными подразделениями (междисциплинарная кооперация), качество принимаемых медицинской системой решений, эффективность работы управленческого звена и другие.

Парадигма качества фокусируется на создании специальных формальных механизмов, которые способны поддерживать необходимые условия для неуклонного повышения и удержания уровня работы всей системы.

Само качество – базисное понятие этой новой парадигмы – следует рассматривать как интегральную характеристику деятельности медицинских организаций и профессионалов. Сегодня широко признано, что качество является комплексным, многомерным понятием и может быть определено по-разному, в зависимости от того, с чьей точки зрения оно интерпретируется, и какие конкретные цели при этом преследуются.

Например, лечащие врачи рассматривают качество преимущественно в терминах совершенства профессиональных действий, которые они выполняют. Пациенты – с точки зрения улучшения своего здоровья, качества жизни, общего впечатления, которое они выносят от своей встречи с медицинской системой и ее специалистами – т.е. здесь имеет место совокупность неких пациент-центрированных, непрофессиональных оценок. С административной точки зрения качество может быть рассмотрено в терминах эффективного расхода ресурсов, улучшения массовых показателей здоровья и удовлетворенности населения и т.п. Имеются также различные попытки сформулировать в интегрированном виде разные составляющие такого многомерного понятия, как качество медицинской помощи.

Согласно известным критериям Р. Максвелла, качество включает такие аспекты, как клиническая эффективность, экономическая эффективность, равенство, доступность, социальная приемлемость и адекватность общественным нуждам [9].

В то время, как деятельность по достижению медицинского качества сама разрастается до уровня обширной управленческой индустрии, становясь все более продвинутой и усложненной, проблема подлинных результатов медицинской помощи остается драматической, о чем свидетельствуют многие специальные исследования и официальные отчеты.

Множество методологических и практических сложностей ведут к недостаточному пониманию того, как в действительности работают медицинские системы, каков уровень их пользы и, наоборот, сопровождающей их действия неэффективности и даже вреда.

Величина риска, которому подвергаются пациенты в связи с практическим проведением медицинских вмешательств, остается недопустимо высоким. Несколько десятилетий назад внушающие тревогу факты о масштабах ятрогенного вреда были собраны в известных работах И. Иллича, Р. Мендельсона, С. Райса, Р. Тейлора и других исследователей.

Например, в первой главе своей знаменитой работы «Немезида медицины» Иван Иллич, опираясь на ряд публикаций, утверждает, что частота несчастных случаев в госпитальных условиях такова, что она превосходит опасность любых других отраслей деятельности, будучи сопоставимой только с общепризнанными рискованными занятиями (такими, как работа в шахтах или строительство высотных сооружений). Любое другое заведение с подобным уровнем риска давно было бы закрыто полицией, считает И. Иллич [10].

Вывод, который следует из его анализа, состоит в том, что лечиться в больнице опасно для жизни. Возможно, с этим утверждением нелегко согласиться представителям медицинского сообщества. Однако во многих странах пациенты и их семьи вполне подтвердят этот тезис.

В 2000 г. в Великобритании был опубликован документ под названием «Организация с памятью», который привлек внимание широкой международной общественности. Отчет резюмировал, с какими показателями английская медицина вступает в XXI век. Этот документ явился результатом работы группы экспертов под руководством Л. Дональдсона, исследовавшей, каков уровень неблагоприятных событий, происходящих с больными в системе национального здравоохранения Великобритании, и чему научил медицинское сообщество прошлый негативный опыт.

В отчете признавалось, что надлежащего изучения неблагоприятных событий в Великобритании в должной мере так и не последовало. В документе также был продемонстрирован внушительный масштаб имеющихся проблем. Так, по оценкам экспертов ежегодно около 400 человек в Великобритании погибают или же получают серьезные повреждения, связанные с применением медицинского оборудования; регистрируется около 10 000 неблагоприятных реакций на лекарственные препараты; около 10% всех госпитализаций (850 тыс. в год) заканчиваются нанесением вреда пациентам из-за различных прочих негативных событий [11, p. vii-viii].

Здесь стоит добавить, что в Великобритании в период неолейбористского правления Т. Блэра (конец XX в. – начало XXI в.) были приложены значительные усилия, для улучшения ситуации в области здравоохранения, однако результаты этой деятельности оказались довольно неопределенными.

Далее, в так называемом Гарвардском исследовании (которое приобрело известность как методологический образец исследования ятрогений) была изучена работа 51 госпиталя экстренной помощи в штате Нью-Йорк. В результате было выявлено, что неблагоприятные события, произошедшие в ходе медицинской помощи, имели место в 3,7 % госпитализаций. Примерно пятая часть этих повреждений вызвала постоянную нетрудоспособность либо привела к гибели пациентов [12].

Существуют также публикации, в которых указывается, что уровень ятрогенного вреда в больницах на самом деле еще выше. Так, в хирургическом отделении госпиталя в Чикаго было обнаружено, что 45,8% пациентов стали жертвами различных неблагоприятных событий [13].

Аналитики из США высказывают глубокую озабоченность по поводу работы своих служб здравоохранения. По оценкам экспертов, медицинские ошибки в США ежегодно приводят к гибели по крайней мере 44 000 человек (примерно от 44 000 до 98 000), что – для сравнения – в некоторые годы

уносит больше человеческих жизней, чем дорожные происшествия, рак груди или СПИД [2, p.1]

В Австралии по этой же причине каждый год погибает около 18 тыс. человек, а 50 000 становятся инвалидами [14].

Эти и многие другие свидетельства показывают исключительную остроту проблемы медицинского качества и рисков, связанных с медицинской помощью. Уровень угроз, существующих сегодня в медицинских системах, таков, что его следовало бы рассматривать как серьезную *социальную опасность*, которой необходимо постоянно заниматься.

С теоретической точки зрения, ятрогенность медицины есть чрезвычайно сложное явление, которое требует глубоких исследований. Ятрогенность медицины не может быть сведена просто к совокупности технических ошибок и недочетов текущей медицинской практики. Она носит слишком обширные масштабы, чтобы о ней можно было говорить в столь поверхностном ракурсе. За ятрогией следует видеть фундаментальную проблему современной медицины вообще.

Можно полагать, что столь желаемое медицинское качество — это в известном смысле концентрат всех вообще проблем современной медицины. Качество медицинской помощи как преследуемая цель сталкивается со многими препятствиями.

К ним относятся такие, как организационные дефекты, моральное состояние персонала, уровень подготовки медицинских профессионалов и их реальные приоритеты, неудачная политика системы здравоохранения (система оплаты за помощь и т.п.), побочные следствия глобальной коммерциализации медицины, технические ошибки, и, наконец, просто недостаточное внимание к пациенту — неспособность системы адекватно отреагировать на его страдание и индивидуальные проблемы.

Может быть, в системах медицинской помощи повсеместно существуют фундаментальные недостатки организационно-

управленческого мышления, из-за которых не учитывается специфически «человеческая» компонента медицинской деятельности, т.е. так называемый «человеческий фактор»?

Но тогда это означает то, что, видимо, основные усилия медицинских систем и организаций направлены больше на эффективные медицинские технологии сами по себе как ключевое средство помощи, и гораздо меньше внимания уделено тому, как и в каких условиях для самих людей (и персонала, и пациентов) эти технологии применяются. Иными словами, современная медицина стала в существенной мере совокупностью биомедицинских техник, в то время как она, скорее, должна быть медициной человеческих действий и взаимоотношений.

Понятие качества само является существенно индустриализированным, техническим параметром. Постановка этой проблемы в современной философии качества исходит из трактовки качества как результата правильно организованных системно-технологических процессов.

Проблема повышения качества требует достижения оптимальной интеграции различных нормативных порядков: технических, социально-гуманитарных, моральных. Сами по себе технические принципы управления имеют явно односторонний характер в приложении к задачам медицинской помощи.

В качестве примера современного поиска альтернативных, более социально-ориентированных направлений, можно назвать так называемый «социотехнический» подход, который стремится преодолеть технократизм в медицине и установить наилучшее соотношение технического и социально-гуманитарного начал.

Известный нидерландский ученый П. Хартело полагает, что пришедшие из индустриального менеджмента методы построения систем качества базируются на общей теории систем, понятиях прямой и обратной связи и идее рационального контроля. Однако, по мнению этого автора,

администраторам здравоохранения следует быть очень осторожными, заимствуя индустриальные принципы для использования их в сфере медицинской помощи.

Социотехнический подход в сравнении с индустриальным нацелен на более широкий контекст и включает культурные и исторические факторы, вносящие вклад в медицинскую помощь.

Согласно этому подходу, качество процесса медицинской помощи означает не столько «быть под контролем» (как это предполагается в индустриальной модели), сколько, скорее, рассматриваемую с социальной точки зрения *реализацию ценностей*. По мнению П. Хартело, для социотехнического подхода характерно постепенное, идущее «снизу вверх», из самой практики, продвижение к «лучшей» медицинской организации. При этом крайне важны такие факторы, как вовлечение медицинских профессионалов, их взаимопомощь, мотивация, позитивные установки на изменения [15]. Вполне возможно, что социотехнический ракурс как базис для формирования релевантных социальных практик представляет собой более сбалансированный взгляд на улучшение медицинской помощи. Однако этот подход пока недостаточно развит.

К сказанному следует добавить замечание по поводу популярного сегодня оптимизма в отношении цифровизации медицины.

Еще в 70-е годы XX века высказывались мнения, что медицина вступает в некую новую эпоху своей истории, которую можно назвать «постврачебной эрой» (post-physician era) [16].

Этот тезис был связан с растущими возможностями компьютеризации и ожиданиями того, что компьютер и новые информационные технологии смогут заменить доктора, выполняя лучше и точнее самого врача его стандартные врачебные функции – создание истории болезни, первичное обследование, назначение дополнительных тестов, формулировку диагноза, выбор лечения, определение прогноза и т.п.

Однако постепенно становилось все более понятно, что ничто не может заменить врача, его личные качества в системе медицинской помощи (о чем, например, говорит такое направление медицинской этики, как этика добродетелей, восходящая к идеям Аристотеля).

Усложнение современного медицинского предприятия множеством способов проецируется на профессиональную роль врача. Все это поднимает вопросы о врачебной автономии, о смысле и цельности врачебной профессии. Современная конфигурация ролей, функций, смыслов медицинской практики оказывает сложное воздействие на медицинскую систему.

Тенденция управления медицинской системой по типу производственного сектора должна быть, по нашему мнению, тщательно скорректирована с уникальными задачами медицины, взятыми в полной мере – моральное содержание, помощь в ситуации страдания, гуманитарный контекст взаимоотношений с пациентом, индивидуальность человеческого организма.

Не отрицая пользы современных техник управления качеством, следует все же признать, что современная парадигма качества, связанная с измерениями, системными взаимосвязями, информационными технологиями и т.п. компонентами, сама является явлением техно-медицинского порядка.

Вывод нашей работы состоит в том, что снижение ятрогенного риска и улучшение медицинского качества может возникнуть только на основе интеграции технических подходов с гуманитарными и морально-ориентированными подходами.

Список литературы

1. Crossing the Quality Chasm: A New Health System for the 21st Century. Committee on Quality of Health Care in America, Institute of Medicine. Washington, DC: National Academy Press; 2001
2. To Err Is Human: Building a Safer Health System / Kohn LT, Corrigan JM, Donaldson MS (eds.). Washington, DC: National Academy Press; 2000

3. S. N. Weingart, R. McL Wilson, R. W. Gibberd. Epidemiology of medical error // BMJ 2000; 320: 774-777.
4. Blumenthal D. The origins of the quality-of-care debate // NEJM 1996, vol. 335, N. 15, p. 1146-1149.
5. Donabedian A. Evaluating the Quality of Medical Care // Milbank Memorial Fund Quarterly 1966, 44: p. 166-203
6. Donabedian A. The Quality of Care: How Can It Be Assessed? Journal of the American Medical Association. 1988, 260 (2), September 23/30, 1743-1748.
7. Health Care Criteria for Performance Excellence. Baldrige National Quality Program, National Institute of Standards and Technology, Gaithersburg, MD, 1998.
8. Berwick D.M. Continuous quality improvement as an ideal in health care // N Engl J Med. – 1989; 320: p. 53-56.
9. Maxwell R. Quality assessment in health // BMJ. – 1984, 288, p. 1470-1472.
10. Illich I. Némésis médicale. Paris, 1971.
11. Department of Health. An organisation with a memory: report of an expert group on learning from adverse events in the NHS chaired by the Chief Medical Officer. London: Stationery Office, 2000. – P. vii-viii.
12. Brennan T.A, Leape L. L., Laird N.M., Hebert L, Localio A.R., Lawthers A.G., et al. Incidence of adverse events and negligence in hospitalized patients // . Engl J Med 1991; 324: 370-376.
13. Andrews L.B., Stocking C., Krizek T., Gottlieb L., Krizek C., Vargish T., et al. An alternative strategy for studying adverse events in medical care // Lancet, 1997; 349: 309-313
14. Weingart S. N., Wilson R., Gibberd R. W. Epidemiology of medical error // BMJ 2000; 320: 774-777.
15. Hartelo P.P.M. Quality systems in health care: a sociotechnical approach // Health Policy, 2003, vol. 64, 3, p. 391-398.
16. J. S. Maxmen. Goodbye, dr. Welby // Social Policy, 1972, 1973, 3,4,5; p. 97-106.

Коллектив авторов:

Арсеньев Ю.Н., Давыдова Т.Ю., Кушнир И.Н.,
Печникова О.Г., Полтавцева О.Н., Разумовская Т.И.,
Селиванова З.К., Ушаков Е.В.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ОБЩЕСТВО, ЭКОНОМИКА, ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ**

Монография

Подписано в печать 18.06.2021.

Тираж 500 экз.

Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 7,56.

МЦНП «Новая наука»

185002, г. Петрозаводск

ул. С. Ковалевской д.16Б помещ. 35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» – член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций
<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов
[https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/
grafik-konkursov/](https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/)

3. в составе коллективных монографий
[https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/
grafik-monografij/](https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/)

4. авторских изданий
(учебных пособий, учебников, методических рекомендаций,
сборников статей, словарей, справочников, брошюр и т.п.)
<https://www.sciencen.org/avtorskie-izdanija/apply/>

<https://sciencen.org/>